

25 Listopadu 1932. **Volné Kozáctvo** Ročník V.

117

25-го ноября 1932 г. 25-го листоп. 1932 р.

ПРАГА PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 5-ый РІК ВИДАННЯ 5-ий

Ю. Пигон

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Ив. Томаревский: Памяти борцов. (Verše).
2. Вл. Куртин: Цветы в гробу. (Květiny v rakvi).
3. С. Савицький: *** Verše).

4. Казачьи права и привиллегии. (Kozácké práva a privilegie).
5. К ноябрьской годовщине. (K listopadovému výročí).
6. Чужинец: Пропаганда вольно-казачьих идей в эпоху Крымской войны. (Propaganda volno-kozácké idei během Krymské války).
7. Николай Посохов: Взойдет солнце! (Výjde slunce!)
8. М. Б.: Еще о Терском и Калмыцком гербах. (O Terském a Kalmyckém erbu).
9. Думы и мысли. (Dumy a mysli).
10. Петр Крюков: Противникам. (Odpůrcům).
11. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
12. В Казакии. (V Kozácku).

Почтовый ящик.

Голливуд. — А. С. — Ответ — письмом Привет.
Княжевац. — И. Н. — Получено. Привет.
Крезо. — А. К. — Посылаем. Привет.
Белград. — П. З. Хорошо. Привет.
Австралия. — Ив. К-ров. — Получено Привет.
Белград. — Б. К. — Все получено, кроме 1-ой гл. „Ненависть". Привет.
Чикаго. — А. Ю. — Письмо Ваше получено. Затронуты Вами интересные вопросы. По существу ответ — письмом. Привет.
Югославия. — К. Ш. — Получено. Привет.
Франция. — П. К. — Получено. Привет.
Югославия. — А. Г. — Хорошо. Привет.
Папандува. — С. С. — Одержали. Витаємо.

Гонорар не платится.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво":

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин.**
В БРАТИСЛАВЕ: **И. И. Безуглов.**

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундрюцков. Белград.
А. Чекин. Крагуевац.
Г. В. Алферов — Мраморак.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj.
С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Bukarest V.
А. К. Бабков. M-eur Babkoff, Galatz.

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. Варшава.
С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew. Wilno.
А. Кирьянов. Августов.
Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.
Н. Егоров. Лом.

ВО ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. Париж.
А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; Lyon.
Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; Lyon-Vaise.
И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina. Cenon (Gironde).
С. К. Поляков. M-eur S. Poliakoff, Rombas.
Г. В. Балабин. M-eur Balabine. Ugine.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

С. Савицький. S. Savytzky. Brasil.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

И. Константинов. Харбин.

В ГЕРМАНИИ:

Г. А. Козловский. Berlin.

Казачья — Наша цель

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧТВО
ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

Наш девиз — Казачья воля

VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychazí 10 a 25 každého měsice).

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207 Tchécoslovaquie.

№ 117 *Пятница, 25 ноября, 1932 = Пятниця, 25 листопада, 1932.* *№ 117*

Ив. Томаревский *(Болгария).*

ПАМЯТИ БОРЦОВ.

Царство небесное, братья ушедшие
В мир уж загробный от жизни, от нас.
Вы претерпели все беды жестокие,
Нет уж безмерных страданий для вас.

Долг вы исполнили свято казачий —
Жизнь всю боролись за волю свою,
Каждый из вас на посту промаячил, —
Лег, как и нужно, с врагами в бою!

Царство небесное вам, наши братья!
Будьте покойны вы духом своим,
Мы — вам на смену — приложим старанья
Строить свободу станицам родным.

Вашим примером мы, стойкие люди,
Смело идем мы по вашим стопам,
Смело идею казачью проводим,
Будем верны мы своим казакам.

Спите ж спокойно, храним мы заветы
Предков своих — только вольными быть,
В поле широком своей Казакии
В счастьи своею управою жить.

Вл. Куртин. *(Югославия).*

Цветы в гробу.

(Продолжение).

— На тебе твою Нюрку! сердито пробурчала она, отдуваясь и стряхивая мокрую винцераду.

— Зачем она мне? с видом величайшего удивления глядя на Марьяну поверх очков, отозвался Клим Иванович.

— Так ты-ж за ней сам посылал?..

— Эх, Марьяна, Марьяна, сокрушенно покачал головою Клим Иванович. — Стара ты уж стала...

Марьяна с досады ткнула кулаком в бок Нюрку:

— Убирайся, ты!..

Нюрка, совсем ошалев, вылетела.

— А ты, подходя вплотную к Климу Ивановичу, зашипела Марьяна, ты со своею коммуною совсем рехнулся!..

— Не бунтуй, старуха, не отрываясь от „Молота“, мирно отозвался Предрайком. А то Горилле в погреб отправлю...

— Сам ты в том погребе здохнешь!.. Подожди, вот придут казаки...

— Ну, ну, — не пужай... Ставь-ка лучше на стол вечерять.

***

Борис сообщил Егору куда идти жене с детьми. Молча поцеловался со всеми. Заплакал и, кряхтя, утираясь рукавом, вышел.

Еще с минуту остался Егор Клушин с семьей в своем доме. Дом оставался сам. На последнее надругательство. Родил и вынянчил три поколения... И остался пустым гробом. С грустными, умирающими в нем цветами...

Вера поставила на подоконник икону Божьей Матери... Стали все перед ней на колени...

— Еще маленьким я смотрел на Тебя, Пресвятая Владычице!.. Заплакал Егор, обняв жену и детей.

— Куда-ж мы теперь?..

— Спаси и сохрани нас!.. Спаси и сохрани нас!.. Рыдала Вера, держа беспомощно руки на подоконнике у иконы.

Встали. Невидящими от слез глазами обвели комнату. В последний раз. В последний раз Вера припала к мужу.

— Ну, идем... идем... довольно...

Вышли в чулан.

— А мои цветочки?!. Мама!.. Цветочки мои?!.

Застонав, вскочила Вера опять в комнату, схватила Катину мохоточку с густым клубком альпийских фиалок.

— Не оставлю их детка!.. Тут, со мною...

— Дай мне! Я понесу!.. Ухватилась за „махоточку“ Катя.

Вышли на баз. Из-за сарая вынырнула чья-то фигура.

— Кто это? С похолодевшим от страха сердцем тихо спросил Егор.

— Не бойся, я, Михайло... Николка за Верой послал... А два наших около чеки дежурят.

— Ну, прощайте!.. Поднял Егор Марусю. Катю... Поцеловал их.

— Прощай, Вера!.. Ожидай скоро!..

Еще момент и Егор, перескочив канаву, скрылся. Михайло, взяв на руки Катю, пошел впереди. За ним Вера с Марусей. Быстро пересекли три улицы и садами и огородами, над самым яром, направились к „Шпилю".

Дождь перестал, но холодный ветер пронизывал до костей. Катя, прижав к груди махоточку с фиалками, казалось дремала.

Вышли из станицы. Потянулись пустынные гумна. Скоро и „Шпиль", под которым крутой, почти непроходимый спуск к Кубани.

Сзади беглецов вдруг полыхнуло огромное пламя.

— Jezus Marija!.. прошептала Вера. Что это еще?..

Михайло усмехнулся:

— Николкин знак!..

Вскоре загудели колокола. Пожар ширился. Беглецы спустились под „Шпиль".

— Греются товарищи! точно вынырнув из тьмы смеется Николка.

— Ну, тетка!.. Живо!.. А ты, Михайло, беги пожар тушить!..

Николка вскинул карабин за спину, выхватил из рук Михайла Катю, другой рукой взял за руку Марусю.

— Ну, пошел!..

Скользя по мокрой глине, покатились вниз.

Михайло вздохнул. Почесал затылок и побрел к гумнам, за которыми полыхал пожар.

— Ловко сварганил... как-будто коммагаза горит...

***

Егор уже был далеко за станицей среди тернов, когда увидел в станице пожар.

— Николкина это работа... След заметает...

Однако и торопиться нужно было во всю: в своем доме ему уж не дождаться бы утра. Выволокли-бы, как и дедушку. „Поджигатель", „понижатель"... А просто — чекисты уж несколько дней даром жалованье получают...

Егор почти бегом спешил к станции Б., где его кум и закадычный друг, иногородний Семен Вязинцев служил кондуктором на товарных поездах.

До рассвета еще оставалось больше часа, когда Егор вошел в низкий барак, в котором жил кум.

— Что с тобою, кум? Испугался тот, увидев Егора.

— А вот видишь — бежать нужно...

— Куда?

— Все равно: дома ждет „Роща"...

Семен дернул себя раз-два за растрепанную бороденку.

— А Кума?

— В Армавир побежала.

— Нда... ведь вот черти!.. И когда уж это казаки придут!?, Смотри-же, кум услуга за услугу.

— О чем говоришь, кум...

— В 10 вечера со 113-ым иду в Ростов. Ожидай на насыпи. Там идем потихоньку. Вскочи на 15-ый вагон от локомотива... А я все приготовлю.

— Дай Бог своих дождаться, принимая рюмку самогонки, говорит Егор.

— А надеешься? Допив и вытирая рукавом губы, спрашивает кум.

— Кабы не надеялся, не цеплялся-бы за эту жизнь... И сам на себя руки наложил-бы...

— Да, что и говорить! Жизнь дошла до точки... И нам уж не вмоготу. А вашему брату...

Целый день Егор пролежал в сарайчике под дровами. Вечером кум принес ему старую одежу железнодорожника.

— Ваша продмагаза сгорела. Два грузовика чекистов в вашу станицу отправили, сообщил кум новость.

— Ну, будет теперь нам, подумал Егор. Успела-ли Вера через Кубань перебраться...

В узкой тунели под насыпью, почти по пояс в жидкой грязи просидел Егор добрых полтора часа, когда услыхал шум подходящего поезда. Выкарабкался из тунели, подождал пока пробежали два красных глаза локомотива:

— Первый... второй... пятнадцатый... Вскочил на подножку.

— Одевай буршлат. Становись за тормаз... Твой номер 76-ой. Один наш дома остался.

Кум всунул Егору в руку „ордер" и скочил на другой вагон, потом на третий...

Погромыхивая, цакая на стыках рельс, длинный состав „113" катился к Ростову.

До ст. Тихорецкой Егор мирно стоял за тормозом, крутил, откручивал, как настоящий комкондуктор. В Тихорецкой поезд стоял целую вечность. Пойти в станцию отогреться Егор не решался. Стоять все время в будке — было бы подозрительно. Пробежали два пассажирских поезда. На цероне какой-то шум. Кого-то потащили к выходу. Тьму прорезал чей-то отчаянный крик:

— Братцы!.. О-ой!..

Егор сжался в будке, будто влип в заднюю стенку...

Наконец, дан сигнал к отправлению. Тронулись.

— Слава Богу! Облегченно вздохнул Егор, взявшись за тормаз.

Вышли из светла станционных фонарей, С крыши вагона нагнулся кум.

— Егор... Чекисты в поезде. Будь осторожен. Не робей!..

Похолодел Егор... — А если начнут допытываться?.. Узнают... тогда — конец!..

— Чорт с ним! Проскрежетал Егор.

— Пусть будет конец!.. А Вера, а дети?.. Где они сейчас?.. Может быть их уж и в живых нет?.. Тогда... тогда — все равно! но, даром не дамся...

Погромыхивают вагоны. В стороне иногда маячат темные хаты станиц.

И раньше не раз проезжал Егор этой ровной, с чуть заметными балками, степью... Но как тогда все было по иному!..

Не слыхать уж блеянья бесчисленных атар овец, не видать „таинственных" фигур чабанів, что, бывало, закутавшись в серьмяк с наглавником, опершись на ерлыгу, неподвижно смотрели на гремящую, брызгающую искрами „чугунку". А днем „подпаски" обычно кричали-бы:

— Гзазет!.. гг...азет!.. и крутили цыгарки „коленом..."

На переездах виделись-бы полыхающиеся кони, сдерживаемые рукой казака, везущего в станицу огромный воз сена или снопов...

Или у „бальера" заставился-бы косяк неуков и, сбившись в невозможный клубок от голов, накостряшенных грив, гладких спин, поднятых хвостов, момент бурлил-бы на месте, а уже в следующий миг живой ртутью разбежался бы по степи, далеко огласив теплую ночь задорным, разгульно-веселым, похотливым ржаньем...

Все ушло, как водой смыло... остался животный страх, тоска, да вечное неспокойствие, которое в нормальных условиях жизни, наблюдалось только у больных манией преследования.

Увы, сейчас казака не преследует фантазия больного мозга!..

Сейчас казака преследует огромная кровавая советчина, всей своей тяжестью наваливается на остатки казачества...

Егор болезненно-чутко прислушивается к малейшему шороху на крыше „своего" вагона:

— Чего это они не идут... тоскливо вертелось в его мозгу.

— Знать-бы уж одно...

Но пробегали полустанки с заспанными стрелочниками, проходили томительные минуты, казавшиеся часами, — чекисты не появлялись.

Уже перед Ростовом на „Егоров" тормаз пришел кум. От него несло самогонкой.

— Хорошие ребята попались!.. Пьют всю дорогу! На Тихорецкой спекулянта выловили с настоящей „житьневкой"! Это не то что лесные яблоки!.. По вагонам и не ходили. Только у обера документы просмотрели!..

У Егора отлегло. Но не на долго: вдали уже показались огни Ростова.

— Как-то там будет?..

Егор не даром запасся бумагами спеца коммуниста Ивана Груздёва. В свое время он учился в Майкопском средно-техническом училище и хотя училища и не окончил — токарь из него вышел образцовый. А работал резчиком и по металлу.

Последний раз Егор был в Ростове в 19-ом году. Случай свел его с одним донским казаком, уже много лет служившим в Ростовских железно-дорожных мастерских, а в последнее время на заводае „Аксай". Как-то инстинктивно почувствовали друг к другу доверие. Две ночи Егор и ночевал у него, на Боготяновском.

Донец этот активного участия в борьбе с большевиками не принимал, а до победного вступления в Ростов атамана Каледина, даже был членом заводского комитета. Был это человек, твердых и трезвых взглядов на происходящую кутерьму, человек, своими глазами видавший формированье армии генерала Алексеева, — чувствовавший всю трагическую безнадежность борьбы старой бело-чорной России с огромной красно-чорной новой и неподготовленность для победы над большевицкой Россией — казаков... Но оставшийся тем, кем и родился — казаком.

На вопрос Егора — как-же он, казак, мог служить у большевиков, донец, усмехнувшись, ответил:

— Что-ж из этого?.. Есть у нас на заводе и немцы...

А потом, сдвинув на затылок кожаный кэпи, прищурив глаза спросил:

— И г р а ю т-ли у вас на Кубани вот эту песню?.. И приятным тенором, по-„донскому" запел:

— „Пра-ва-славный наш царь —
Петро Алексе-е-э-эевич...
Гей... гей..." и так далее?..

— Слыхал, ответил Егор.

— Ну вот: и тому „нашему, праваславному" служили...

И в те две ночи, когда через Ростов поезд за поездом проходили длинные составы „вооруженных сил юга России" донец рассказал Егору много такого, что для Егора было больше, чем откровение и что заставило его по иному смотреть на „кадет" с их Добрармией и на свою борьбу:

„За Русь святую".

Вот к этому-то станичнику-донцу и думал шмыгнуть Егор, когда просил Николку добыть ему бумаги токаря.

— Лишь-бы в живых найти...

(Продолжение следует).

С. Савицький. *(Бразилія).*

* * *

Ой, гірько сіромам за морем блукати...
О, рідная земле, о, рідна Кубань!..
Ой, як же пісень нам веселих співати,
Коли розспинає тебе кат москаль?!.
Сльозами і кров'ю тебе ми умили.
Гадали: нарешті нам блисне зоря.
Даремно і трупом степи угноїли, —
Нас доля погнала за сині моря.

Ніхто не спитає: чого ми блукаєм?
Чого наше серце у грудях болить?
Чого ми, сіроми, для себе бажаєм?
Яка наша думка наш мозок палить?
Ой, горе нам горе, бездомним бурлакам
Свитами блукати і думать про те,
Як сонечко сходить в степах посіпакам
Й садок не для нас у станиці цвіте...

Казачьи права и привиллегии.

II. Казачьи права на свою территорию.

В предыдущей статье мы коснулись только слегка вопроса о казачьих правах в связи с ложной или тенденциозной подменой их „привиллегиями". Здесь же сделаем твердую установку самого вопроса об историческом и моральном праве казачьих народов и определим ближе общие понятия о п р а в е и п р и в и л л е г и и, вытекающие из р а з л и ч н ы х правовых принципов и норм как в целом, так и в специфическом более узком отношении этих понятий к вопросу казачьему и последней казачьей освободительной борьбе.

В первой статье была указана уже разница между правом и привиллегией; было также подчеркнуто, что Казачество вело свою освободительную борьбу, опираясь на свое собственное исконное, присущее ему одному, естественное и историческое, освященное кровью многих поколений право, и что в своей борьбе казаки защищали именно эти свои живые и жизненные народные п р а в а, а не мертвые, несправедливо недругами приписываемые им „привиллегии", каковых, в сущности, Казачество никогда и не имело.

Была там также указана и та общая исходная точка зрения противников Казачества, с которой они рассматривают взаимоотношения прав и привиллегий при столкновении интересов казаков и иногородних на Казачьих Землях и с которой легкомысленно или намеренно тенденциозно они оценивают все казачье освободительное движение. Там же мы уже подчеркнули, что в отрицательном, унизительном для Казачества толковании его прав и борьбы между всеми вообще нашими противниками разницы почти не имеется. Подходя с разных, даже противоположных сторон к решению казачьего вопроса, но слепо или умышленно придерживаясь одинаковой тактической линии", основанной на однородной (хотя и разной) идеологии, оба лагеря приходят в результате к одинаковому, или, вернее даже, к одному заключению, что Казачество в общих революционных событиях и в борьбе — наряду с другими народами — за освобождение ковать свое собственное „казачье железо" никаких право не имел, а должно было бы это свое „железо", т. е. права, жизнь, имущество и прочие ценности предоставить великодушно и безоговорочно в полное и совершенное распоряжение своих „соседей" на своей же казачьей земле...

На такую неоправданную ничем и позорную самоликвидацию, уже хотя бы по одному главному инстинкту самосохранения своей многовековой жизни, Казачество согласиться не могло и впредь на это никогда не пойдет. Такие жертвы, вполне понятные и приемлемые во время революционных сдвигов для отдельных сословий того или иного народа, — не логичны и нецелесообразны для народа в целом. То, что является возможным для чести, интересов и самосознания одного какого сословия, как части целого, т. е. известная жертва сословия в пользу всего народа, для народа — как полного и самодовлеющего целого — никогда не может быть приемлемо. Да и сам вопрос об отказе одного народа в пользу другого народа — явная бес-

смыслица для всякого, не принадлежащего к составу „претендующего" народа...

И Казачество своей последней борьбой и современной подготовкой к борьбе будущей это свое право, как право народа, доказало, доказывает и, несомненно, еще раз — и окончательно — докажет. Ибо: сословие — одно, а народ — другое. Для честно и правильно логически мыслящего смешение таких понятий исключается. Права или бесправие сословий, определяемые искусственными привиллегиями или ограничениями, никогда не могут быть поставлены на один уровень с природными или историческими правами — вернее самоправами — народов...

И мы еще раз подчеркиваем, что в недавней последней борьбе, как и в ближайшей будущей, Казачество боролось и будет бороться за свои широкие жизненные народные интересы, за свою свободу, за свои права...

Приступая к исследованию вопроса о казачьих правах, должны наперед оговориться, что не имеем в данном случае возможности останавливаться на всех разнообразных группах казачьих прав.

Т. к. почти все без исключения наши противники в своих выступлениях против Казачества обрушиваются главным образом на основные и наиболее жизненные казачьи права — как права́ казачьих народов на их Землю (народную, национальную территорию), их права́ на собственное самоуправление (государственную самостоятельность) и их бытовые вольности и политическую свободу (собственный гражданский порядок и общественный лад на своей земле), то и нам в обосновании и защите этих исконных и неот'емлемых казачьих прав придется придерживаться этого же порядка.

Таким образом, из общего комплекса казачьих прав мы остановимся сейчас на главной, наиболее существенной их группе, состоящей из основных казачьих прав, характеризуемых, как казачьи права на свою территорию, на государственную самостоятельность и свой особый гражданский уклад жизни.

Обращаемся при этом в первую очередь к аргументам историческим, т. е. постараемся из прошлых неоспоримых свидетельств вывести основания казачьих прав из самого процесса многовековой казачьей жизни, установившей и определившей права казачьих народов на их землю, народоправство и свободу, как права исторические.

Почему именно так важно для нас в данном случае определение и доказательство всех этих прав, как прав исторических? — Важно это для нас и необходимо потому, что такие исторические права имеют под собой и великие моральные основания. И до сих пор (так, очевидно, будет и всегда) в международных политических спорах и иных отношениях многие исторические права народов, главное же — право народа на свою свободу на своей земле и при моральной оценке сил этих прав, моменты исторического возникновения, формирования, укрепления и завершения права сохраняют всю свою доминирующую роль. Не надо забывать, что под суггестивным моральным влиянием таких прав провозглашен был после Мировой войны и благородный принцип самоопределения народов. Не надо забывать, что все современные новообразованные государства, возникшие под Вильсоновским лозунгом самоопределения, в большей части фактически оперли свои государственные границы на историческое право и обосновали им свою самостоятельность.

Кроме того, исследование, доказательства и определение известных казачьих прав, как прав исторических, имеет для нас еще и то несомненно громадное значение, что явным раскрытием процесса возникновения и естественного развития их совершенно рассеиваются тенденциозные или несознательные легенды противников Казачества о „казачьих привиллегиях". Вместе с тем, раскрываются эти казачьи права, как права целого казачьего народа, а не как те или иные преимущества какого то сословия (части целого). К ому же еще вырисовываются со всей полнотой права ти, как права народа великого духом, большого-народне-национального коллектива вечного, обуславливающего свое существование многими столетиями в прошлом и простирающего его через настоящее в далекое будущее.

Такое осознание Казачеством своих исторических прав накладывает на него и четко определенную великую моральную обязанность сознательной непрерывной защиты этих прав. Казачество не есть какой то непродолжительно временный искусственно созданный недавними прошлыми условиями русской государственной жизни феномен. Поскольку же оно является вечным, цельным, самодавлеющим, геополитически и социально исторически обусловленным живым национально-человеческим организмом, то и жизненные особенности и права, возникшие в нем исторически, принадлежат не только его части — современному казачьему поколению, а в еще большей мере — всем казачьим поколениям; принадлежат всему Казачеству в его прошлом, настоящем и будущем.

Короче и проще: права Казачества, добытые и созданные прадедами, должны быть не только использованы современным казачьим поколением, но сохранены, расширены и переданы правнукам. Это является заповедью для всех живых исторически народов; в ней же заключается главная жизненная сила исторического права и коренится глубоко всем понятная мораль, обуславливающая неуклонную защиту права целого народа и борьбу за него.

Но обратимся к истории — пусть говорит она.

Первое: права казачьих народов на их Земли (территории) суть исконные, споконвечные права исторические.

Доказательства:

Земли (территория) В. В. Донского.

Территорией своей донские казаки владеют с незапамятных времен. Эта территория определилась уже в самом начале существования Донского Казачества. В состав ее, как основное ядро, входили: „бассейн реки Дона, кроме его верховьев, и бассейн рек — Бузулука, Хопра, Медведицы и Донца. Исторические изменения в границах Войска были сравнительно незначительны" (С. Сватиков: Россия и Дон).

На этой обширной территории, как своей первоначальной основной метрополии, в давние исторические времена и родилось Донское Казачество; все последующее время удерживало за собой и удержало до последнего времени эти свои исконные — Родимые! — земли и с этой своей Родины путем военной и мирной колонизации овладело значительными территориями для выделившихся из его состава других казачьих Войск — Волжского, Яицкого, Гребенского, Терского, Линейного и др.

Начало существования казачьего Войска Донского, как такового, некоторые историки относят обыкновенно к 1549 г. в котором упоминается о построении Атаманом Сары-Азманом нескольких городков по р. Дону. Но, несомненно, что в этом случае говорится уже о Донском Войске, как о сформированном государстве, утвердившем на казачьей герритории полностью свою власть, которая об'единила вокруг себя разбросанные, может быть до того разрозненные вольные казачьи общины. В таком смысле понимает возникновение Войска Донского, как государственного образования, и проф. Сватиков, относящий государственный расцвет Войска к XVI-XVII в. в. Он ясно указывает, что „Войско Донское представляло из себя в XVI-XVII в. в. военно-демократическую республику. Эта республика была особым, отдельным от Московского царства государством, имела свою территорию, свой народ и свою власть" (С. Сватиков: Россия и Дон).

Но при этом является опять таки несомненным и то обстоятельство, что и задолго до образования собственно казачьей Донской республики, как вполне сформированного суверенного государства, земли (территория) этого государства уже принадлежали донским казакам, ибо в исторический подготовительный период к полному государственному (постепенному) оформлению несомненно существовали уже и доста-

точно долго такие основные элементы этого государства, как народ и территория, об'единенные впоследствии единой, общей, суверенной государственной властью. И такие необходимые для государства элементы действительно задолго уже возникли и существовали в образе народа — свободных казачьих общин и в виде территории — земельного достояния этих общин.

В самом деле, существование, или хотя бы процесс образования казачьих народов и овладение ими своей территории должен быть отнесен к самым давним историческим временам.

Исторические исследования это как раз и подтверждают. Так уже в XIV ст. упоминается об участии донских казаков в Куликовской битве на стороне вел. князя Дмитрия Иоановича, а еще ранее, в XIII ст. — участие предков казаков — бродников — в битве на Калке на стороне татар.

Углубление в казачью историю раскрывает нам более полную картину образования казачьих народов из смешения этнографических элементов славянских и тюркских — древних восточных славян, обитавших в качестве автохтонов в областях Приазовья, с центром в в древней Руссии (городе), и Подонья да многочисленных более крупных и мелких тюркских народов — берладников, торков, косахов и, наконец печенегов и половцев, пришедших в эти славянские области из Азии и ассимилировавшихся на протяжении веков с автохтонным славянским населением.

Уже это одно служит достаточным основанием утверждать, что донские казаки на всей своей настоящей территории искони владели всеми землями, занятыми их предками правом первого овладения или правом завоевания. С образованием же самостоятельного Донского государства, донские казаки и в государственном смысле утвердили свои суверенные права на собственные земли и долго, упорно и жертвенно отстаивали границы своей территории от насилий и претензий на них со стороны усиливающейся и разбухавшей завоеваниями Москвы.

Казачество Донское в долгой, упорной, кровопролитной и геройской борьбе отстаивало свои права на свободу и землю. Устояло с честью против натисков московского севера за царей Ивана Грозного и Бориса Годунова. В так называемое Смутное время в Московии играло даже активную и значительную роль в определении судеб самого государства Московского. Но в этой постоянной, непрерывной и часто неравной борьбе, Донское Казачество сломлено было только силой уже русских императоров Романовых и уже в лоне Российского государства начало постепенно тратить свои народне-казачьи права и на свою свободу и на свою землю.

Донские казаки присягнули русским царям (но не Москве и неРоссии!) лишь в 1671 и 1676 г. г., но и несмотря на эту вынужденную присягу, они долго еще держались независимо и игнорировали разные требования к ним царей. Однако, Московская политика окружения Дона линией крепостей и изоляции его неустанно подрывает его силы. В 1708 году Дон под предводительством К. Булавина с оружием в руках совершает еще одну попытку защитить против посягательств Москвы свои права и территорию. Но это была уже последняя великая вспышка казачьей воли. Петр I жестокой рукой подавил булавинское движение и подверг страшному кровавому разгрому весь Дон. Он же первый решился посягнуть и на казачьи земли. Донская территория была сильно обрезана. Так: бассейн Донца был присоединен к Бахмутской провинции; земли по Айдару отданы были Острогожскому полку, „отличившемуся“ при разгроме Дона; земли по верховьям Хопра прирезаны были к Воронежской губернии. Общая потеря Доном своей территории исчислялась тогда не меньше, чем в миллион десятин.

Помимо этого, Петр I начал самовластно распоряжаться и землями внутри Дона. Земли восставших городков конфисковались и отдавались верным царю казакам или даже чужим. Позднее это повлекло за собою установление порядка земельного награждения царями казачьей старшины.

В XVIII ст. начала вообще приобретать на Дону большое — иногда даже исключительное — влияние казачья старшина. Под прикрытием царских грамот она продолжала расхищение войсковых земель и отдачи их чужим переселенцам на Дон, крепостным трудом коих сама пользовалась. Таким образом начало на Дону появляться в массе неказачье население, оставшееся вне влияния самого быта и порядка казачьего.

Со времени Екатерины II, с переводом казачьей старшины в дворянство, награждение его и чужих царских фаворитов казачьими землями и их и самовольное хищение земельного войскового фонда развернулось в правильную систему политики русского царского правительства на Дону.

Так насилием, лукавством, царским самовластием и хищничеством старшины началось и продолжелось до революции 1917 года ограничение и уничтожение стародавних исконных прав Донского Казачества на его земли.

Земли Донских казачьих колоний.

Донское Войско по мере роста своей военной мощи и общественно-бытовой силы довольно рано начало выделять из своей среды свободные казачьи общины и и направлять их на овладение и заселение новых, преимущественно безлюдных пространств, главным образом на северо-восток и юго-восток от Дона. Так возникла обширная донская казачья колонизация по большим рекам — Волге, Яику, Тереку, — охватывавшая своими землями метрополию с северо и юго-востока от Уральских до Кавказских гор. Эта колонизация проводилась первоначально естественным путем оседания казаков на свободные земли и защити их от других народов, главным образом кочевых народов из Азии. Позднее, после разгрома Дона, уничтожения его политической силы и беспрестанного русского нажима, из состава Донского Войска стала выделяться и казачья эмиграция, бежавшая от преследований русских царей и открывавшая и захватывавшая новые отдаленные земли, служившие ей, эмиграции, обеспеченным убежищем.

Таким образом, донская казачья колонизация отбывалась двумя естественными путями — путем добычничества и путем эмиграции. В обоих случаях Казачество, добывая новые земли, занимало их преимущественно мирным путем, оседая на свободные пространства и строя свободно свои городки по берегам больших рек. Таким путем создало Донское Войско свои большие военные колонии — впоследствии: Волгское, Яицкое и Гребенское казачьи Войска. Первоначально эти Войска, а некоторые из них и довольно продолжительное время, были в тесной подчиненной связи со своей метрополией — Донским Войском — и считали себя как бы его „доминионами“, современем же, вследствие политических и экономических обстоятельств эти „доминионы“ превратились в новые самостоятельные казачьи Войска, поддерживавшие, однако, постоянную моральную и дружественно-политическую связь со своим этническим ядром — Войском Донским.

Ранее всех прочих образована была донскими казаками обширная колония на р. Волге, превратившаяся впоследствии в самостоятельное Волжское Войско.

По некоторым археологическим (церковным) остаткам можно допускать, что казачье население проникло на Волгу и осело там еще в XIV ст. Особенный же расцвет донской колонизации можно отнести к половине XVI ст., когда основаны были большие колонии по Яику и Тереку, давшие начало самостоятельным впоследствии Войскам Яицкому и Терско-Гребенскому.

Все усиливавшееся к XVII веку колонизационное движение Казачества легко можно об'яснить и начавшимся активным нажимом на Дон со стороны Москвы и стремлением казаков уклониться от московстого влияния и сохранить свою свободу за пределами подверженной политической и религиозной опасности своей метрополии.

Таким образом, к концу XVI века Казачество уже вполне овладело новыми территориями и начали на них образовываться новые самостоятельные казачьи Войска,

давшие начало всем казачьим Войскам, сохранившимся и до сих пор. Так — Волжское Войско выделило из себя Войско Астраханское и частично пополнило Войска Оренбургское, Сибирское, Терское и Кубанское. Войско Гребенское дало начало Войску Терскому и пополнило значительно собой Войско Линейное (Кубанское).

Так способом мирного заселения и военного добычничества Донское и другие казачьи Войска добыли, овладели и закрепили за собой, как историческую собственность целого казачьего народа, все те земли, которые принадлежат Казачеству и ныне.

Очень значительным в казачьей донской колонизации явлением был и второй путь отрыва казачьих масс от своей метрополии и движение их за ее границы. Это — путь казачьей эмиграции (политической или религиозной) — вынужденное крайней необходимостью выселение казаков с родной земли и искание ими безопасных убежищ от московских царских преследований. Так, под давлением религиозных преследований уже в 1688 и 1692 г. г. с Дона вынуждены были эмигрировать казаки-раскольники, переселившиеся на Кубань.

Эмиграционная казачья волна особенно усиливается и становится почти непрерывной с XVIII ст., когда царская Россия начинает вводить в действие против Казачества весь свой военный и правительственный механизм к решительному ограничению казачьей свободы и к овладению казачьими землями. Началось это с Петра I, продолжалось репрессиями Екатерины II и их последователями.

Спасаясь от русских преследований, часть Казачества, наиболее сознательного и активного, на протяжении многих лет неоднократно искала убежища путем эмиграции или в отдаленные, трудно достижимые для царской власти „пустопорожние“ области или в чужие государства. Так, после подавления Булавинского восстания, зачительная часть казаков выселилась было в Царицынский район на Волгу и сделала попытку основаться здесь, оказачив при этом города Царицын и Камышин, но, настигнутые царем и там, булавинцы во главе с Некрасовым ушли на далекую (тогда!) Кубань под протекторат Крымского хана.

Земли Кубанского Войска.

Кубанское Войско исторически создалось из двух главных ветвей Казачества: казаков-Линейцев (потомков донских эмигрантов, выходцев и переселенцев с Дона) и казаков-Черноморцев, потомков Запорожцев, переселившихся на Кубань после уничтожения Екатериной II Запорожской Сичи.

Таким образом казаки вообще появились на землях Кубани и Предкавказья и стали утверждаться там уже с конца XVII ст.

Мы уже упоминали о выходцах с Дона — Гребенских и Терских казаках, которые начали колонизацию Терека еще в XVI ст. Теперь нам остается рассмотреть колонизацию и закрепление за Казачеством тех земель, которые стали достоянием Кубанского Войска.

В конце XVII ст. на Кубани, на Таманском острове между Таманью и Копылом, обнаруживаются уже поселения казаков-раскольников, эмигрировавших туда с Дона. После Булавинского восстания число казачьих поселенцев на Кубани увеличивается еще и ушедшими от преследований Петра I казаками-некрасовцами, основавшими на Тамани поселения: Себелей, Кара-Игнат и Контиде. Земли Кубанские в то время были во владениях хана Крымского и казачьи эмигранты, бежавшие на Кубань, укрывались под его покровительство.

Позднее, правда, казаки- некрасовцы переселились в устья Дуная, а потом и в Малую Азию, где их потомки вблизи Константинополя живут и до сих пор. Земли некрасовцев заняли впоследствии Черноморцы, как бы навязывая кубанскую казачью территориальную преемственность. Но несомненно, что и после ухода с Кубани некрасовцев, достаточно еще всяких казачьих элементов оставалось рассеянными на широких просторах кубанских земель. Это были все те же политические и религиозные эмигранты, прибывшие сюда в разные времена и искавшие убежища под покровительством хана и Турции. Среди этих казачьих поселенцев на Кубани были одинаково как выходцы с Дона и Волги, так и переселенцы-эмигранты с Запорожья и даже реестровые казаки с Украины.

С учреждением Россией Кавказской Линии, начинается постепенное, но непрерывное заселение восточной Кубани Линейным Войском, в состав которого входят и многочисленные, разбросанные до того времени по обширной территории казачьи поселенцы. Увеличение, расширение и заселение Линии началось с р. Терека, с того места, где казачий элемент с давнего уже времени укрепился и „прирос к земле“.

Для охранения Линии русским правительством переводились сюда казаки различных Войск группами и полками, часто с их семьями. Так, в 1777 г. казаки Хоперские, поселенные первоначально в Новохоперской крепости, в числе нескольких сот семейств были переведены ближе к Кубани, а потом расселены в районе Ставрополя, где к ним было присоединено несколько сот донцов и инородцев из пленных персов и горцев.

Средняя часть р. Кубани принадлежала Кубанскому полку составленному из донцов и присоединенных к ним „малороссиян Войска Донского“. Далее вдоль р. Кубани до границ Черноморского Войска осел Кавказский полк, составленный из казаков упраздненного Войска Екатеринославского и из казаков-добровольцев Волжских и Хоперских.

Со Старой Линии казаки Линейцы подвигались на новые линии, заселяя р. р. Лабу, Уруп, Белую. В число колонизаторов Новой Линии влилось и несколько станиц Терского Войска и сел Ставропольской губ. Позднее казачье население Н. Линии пополнилось новыми выходцами с Дона, из Украины и отчасти из состава солдат б. Кубанской армии.

Почти одновременно с расселением по Кубани Линейного казачьего Войска совершалось заселение ее и Черноморским казачьим Войском.

После разрушения Запорожской Сичи и отобрания у Запорожцев их богатых и обширных земель на Днепре, после долгих мытарств и кочеваний Запорожских казаков, оставшихся в пределах России, от Днепра и Буга по Черноморью до Кубани, им удалось, наконец, получить в постоянное и собственное владение свободные земли на Кубани.

Вне всякого сомнения, что Екатерина „отдала“ Кубань Черноморскому Войску не из сожаления к обездоленному ею Запорожью... Насилием и бесправием уничтожив свободную Запорожскую республику и раздавши ее исконные, кровью и потом казачьим политые земли в частную собственность своим фаворитам и помещикам, Екатерина далека была, конечно, от мысли жалеть о совершенном ею преступлении или от желания исправить вопиющую несправедливость. Во всех своих отношениях к Запорожскому Казачеству, а значит и к переселению его на Кубань, царица руководилась исключительно русскими интересами и силой собственного самовластия. Иное дело, что в факте переселения Запорожцев на Кубань российские правительственные эгоистические интересы совпадали с интересами самих Запорожцев и что они со своей точки зрения могли расценивать шаг царицы, как хотя частичную компенсацию за потерю родной, дедовской, собственной, а к тому же далеко большей территории.

Запорожцы относились к царскому разгрому своих прав вполне сознательно. Нисколько не заблуждаясь ни относительно русских намерений, ни относительно размеров грозившей им опасности. Поэтому новых земель и нового восстановления Войска искали и добивались всякими возможными для них средствами. И случай помог им достичь своего.

Уже спустя немного времени после разорения Сичи, накануне новой войны с Турцией русскому правительству пришлось очень пожалеть об уничтожении казачьей силы Запорожья. Тогда вот и было поручено Потемкину частичное „восстановление“ Запорожского Казачества. И этот фаворит Екатерины, приложивший ранее немало стараний к ликвидации Запорожья и оставивший по себе плохую славу в памяти казаков, бросился вдруг собирать сичевиков, не скупясь, конечно, на различные обещания.

Воспользовались этим случаем и Запорожцы, сами (возглавляемые частью уцелевшей казачьей старшины) искавшие возможностей восстановления Войска и спасения тем Казачества от окончательного распыления „расказачивания". Стали собираться вновь Запорожцы, некоторые возвращались даже из эмиграции из Турции и „гуртувались" около Сидора Билого, Харька Чепиги и Антона Головатого, в надежде восстановить свои попранные недавно права и вольности и найти для войска новые земли, без чего и существование самого Войска немыслимо. Уже в 1787 году первому Кошевому Сидору Билому удалось сформировать и первые вооруженные силы Войска — конницу и пехоту, — названного Войском казаков Черноморских (восстановить прежнее имя Запорожцев нельзя было в силу недавнего решения царицы навсегда стереть из памяти людской самое имя Запорожья). Это войско Черноморское (по существу — Запорожское) и составило впоследствии основную часть Войска Кубанского.

Но перед переселением на Кубань, Черноморскому Войску пришлось претерпеть еще много мытарств, пролить достаточно пота и крови (участие в Русско-Турецкой войне 1787-1791 гг.). Стойко и мужественно несли Черноморцы все те великие жертвы, охваченные единым внутренним страстным желанием какой угодно ценой сохранить за собою свои старинные вольности и приобрести новую территорию.

Еще в начале Турецкой войны 1787 года Черноморцам обещаны были земли на Кубани „в Керченском куте или на Тамани". Во время же войны Потемкин разрешил им расселиться между Днестром и Бугом и, несмотря на тогдашнее военное положение, Черноморцы успели было довольно хорошо на этих землях обосноваться. Но положение казаков в Приднестровьи было в общем очень непрочно, ибо земли те не были закреплены за ними в собственность, а с другой стороны, близкое к этим землям соседство екатеринеиских помещиков, как уже знали по опыту казаки, угрожало новым бесправным захватом их земель. И потому Черноморцы по смерти Потемкина в 1791 году стали усиленно добиваться возможности переселения на обещанные им далекие и вольные земли на Кубани.

И опять много трудов, средств и хитрости употребили Черноморцы пока, наконец, эти кубанские заветные земли добыли. Нужно только еще раз подчеркнуть, что Черноморцы на Кубани „получили" далеко меньше того, что у них взяли на Днепре.

Черноморцы водворились (в 1792 и 1793 гг.) на землях частично занятых некогда перед тем казаками-некрасовцами. Земли эти ко времени заселения их Черноморцами были совершенно вольными, незаселенными. До того принадлежали они татарам-ногайцам, бывшими под покровительством Крымского ханата и Турции. Со времени же завоевания Россией Крыма Суворов в в 1784 г. переселил ногайцев в Таврический край и, таким образом, правобережная Кубань, занятая Черноморцами, фактически стала принадлежать им по праву первого заселения.

Первое время по прибытии на Кубань и по разделении своих войсковых земель между куренями Черноморцы устраивались на новых местах довольно спокойно, — сравнительно удаленная от черноморских поселений горско-кавказская граница позволяла им это. Но вскоре начались соседские „недоразумения", начались частые и опасные нападения горцев и чрезвычайно жестокая кровавая взаимная борьба с ними Черноморцев. Черноморское Войско должно было и здесь тратить много сил и энергии на непрерывную защиту своих земель и своего населения.

Все земли на Кубани принадлежали вначале, согласно неписанным казачьим споконвечным законам Войску Линейному и Черноморскому, как целым великим коллективам. Но позже, как и на Дону, по инициативе и под покровительством русского правительства войсковыми землями стала наделяться старшина, права же самого Казачества на свою землю начали царями ограничиваться.

Итак, рассмотрев, хотя бы кратко, историческую принадлежность территориальных владений того или иного казачьего Войска, в заключение можем сказать, что все казачьи земли всему Казачеству принадлежат: 1. По праву автохтонного владения (первоначального обывания), как то было на Дону; 2. по праву первого заселения и культурного под'ема края путем мирной колонизации, как то было в донской колонизации Яика, Волги, Терека и в заселении Черноморцами Кубани; 3. по праву завоевания края, как то имело место за Тереком, в Оренбургских степях, у Линейцев в Предкавказьи и на Кубани; 4. по праву вековой, упорной и многожертвенной защиты своего края, как то постоянно имело место у всего Казачества вообще на протяжении всей его исторической жизни.

Никаких „привиллегий" казаки на свои земли ни от кого не получали, да и не нуждались в них, ибо они имели вначале все п р а в а на свою землю, которые постепенно ликвидировались русскими царями, а теперь резко ликвидируются русскими большевиками. Если в чем Казачество и нуждалось, то не в наделении „привиллегиями", а в том, чтобы у него не отнимали его прав. Этого было бы достаточно. Вопрос о „привиллегиях" — выдумка („хитрость"!) тех, кто ограничивал в правах. Эта выдумка „подкидывалась" в свое время казакам, а современем была подхвачена всеми недругами Казачества. Но само оно знает, где правда-истина и где правда-справедливость.

К ноябрьской годовщине.

За что повесили Кулабухова.

Ноябрьские 1919 года события на Кубани документально освещены еще мало (с казачьей стороны). Чтобы ответить на поставленный в подзаголовке вопрос, приведем ниже несколько документов, из которых читатели сами убедятся, что ноябрьское злодеяние генералов: Деникина, Врангеля, Науменко и Покровского действительно вопиющее злодеяние, с какой бы стороны к нему не подойти.

Д о к у м е н т п е р в ы й: „Выписка из протокола заседания Чрезвычайной Кубанской Краевой Рады 7 декабря 1918 года № 35:

После перерыва обсуждается поступившее от отделов предложение о посылке Делегации Краевой Рады во Францию, а также в другие союзные государства для целей информации.

П о с т а н о в л е н о: признать посылку означенной Делегации необходимою для целей информации и всесторонней защиты интересов Кубанского Края. Состав Делегации определить в 9 лиц, с присоединением к ним, кроме секретариата, потребного для представительства и других целей числа офицеров и казаков. Для нужд Делегации открыть кредит в размере до одного миллиона рублей. Руководственным началом для Делегации должны служить — по вопросам, обсуждаемым в Раде, постановления последней, по прочим же вопросам практического значения — Делегация действует в контакте с Краевым Правительством. Вменить в обязанность Делегации работать также в тесном контакте и с Донской Делегацией.

Избрание главы Делегации произвести в настоящем заседании; выборы же прочих ее членов — в следующем, на основании представлений отделов.

Произведенным голосованием главою Делегации единогласно избирается Л. Л. БЫЧ."

— Так определила задачи Делегации Рада.

На второй день были произведены выборы остальной части Делегации в составе: от Таманского отдела — И. Б и л ы й (теперешний ред. „ВК"), от Кавказского

— А. Кулабухов, от Екатеринодарского — С. Манжула, от Ейского — В. Савицкий, от Майкопского — Ф. Сушков, от Лабинского — Д. Филимонов, от Баталпашинского — Г. Щербаков и от горцев — А. Намитоков.

Ф. Сушков, назначенный председателем правительства, не поехал.

3 января 1919 г. Делегация в составе 8 человек выехала из Екатеринодара, прибыв в Париж только в марте.

Второй документ: Постановление Кубанской Законодательной Рады 20 апреля 1919 года (№ 40):

„Слушали: Прения по оглашенным документам, присланным Парижской Делегацией.

Постановили: Принять резолюцию в следующей редакции: Заслушав сообщение Председателя Кубанской Законодательной Рады Л. Л. Быча — главы Делегации, отправленной Кубанской Краевой Радой в Париж, и принимая во внимание данные, содержащиеся в полученных от Делегации документах, а равно реальную обстановку переживаемого момента внутренней и внешней жизни, Кубанская Законодательная Рада:

1. констатирует безусловную необходимость срочного, полного и искреннего выполнения всех предначертаний Краевой Рады — Державного Хозяина Земли Кубанской;

2. заявляет, что с своей стороны приложит все усилия к скорейшему проведению в жизнь в полной мере начал истинного и широкого демократизма, не взирая ни на какие преграды, чинимые как представителями анархии, так и реакционными кругами;

3. выражает полную уверенность, что Кубанский Край не останется одиноким в настоящий момент чрезвычайного напряжения всех его физических и духовных сил в тяжкой борьбе, с одной стороны с анархо-большевизмом и с другой — с реставрацией монархии, за лучшие идеалы демократизма и за право жить;

4. искренне сожалеет, что некоторые круги зарубежной демократии неправильно представляют себе условия, ход и цели нашей борьбы, каковому пониманию нашего дела не мало способствовали и способствуют наши враги;

5. и, выражая уверенность в том, что, несмотря на всю трудность условий работы, Кубанская Делегация достойно выполнит возложенные на нее многосложные обязанности, — переходит к очередным делам."

Из приведенных двух документов ясно видно, какие задачи возлагали на Делегацию Краевая и Законодательная Рады.

Согласно решению самой Делегации в конце апреля (1919) из Парижа выехали в Екатеринодар четыре члена Делегации: И. Билый, С. Манжула, Д. Филимонов и Г. Щербаков для соответствующего доклада Раде, оставив остальных четырех в Париже для продолжения исполнения возложенной на Делегацию задачи.

Суть доклада, привезенного четырьмя членами Делегации, сводилась к одной фразе: в борьбе Казачества за свою судьбу оно может рассчитывать только на свои силы... Для людей более опытных в международной жизни такой ответ являлся совершенно естественным, ибо Кубанская Делегация (и одновременно Донская) — это была первая попытка Казаков войти в сферу международного общения. Мы теперь уже все знаем, что народы, борющиеся за свое освобождение, одновременно подготавливают благоприятную для себя „почву" на международной арене иногда в течение долгих десятилетий...

В июле 1919 г. Кубанская Делегация (оставшиеся в Париже четыре человека) подписала „Договор дружбы" с представительством республики Союза Горцев Кавказа:

Документ третий: „Договор дружбы:

Кубанская Делегация с одной стороны и Делегация Союза Горских народов с другой, исходя из твердого убеждения, что политическое, культурное и экономическое преуспеяние Кавказа и пользование благами мира возможно лишь при упрочении дружественных отношений между кавказскими государствами и при взаимной их поддержке друг другом, признали необходимым заключить между собой следующий договор:

1. Правительство Кубани и Правительство Республики Горских Народов Кавказа настоящим торжественным актом взаимно признают государственный суверенитет и полную политическую независимость Кубани и Союза Горских Народов Кавказа.

2. Установление территориальных границ между Кубанью и Республикой Союза Горских Народов имеет быть предметом особых последующих дружественных соглашений между договаривающимися сторонами.

3. Договаривающиеся стороны обязуются не предпринимать ни самостоятельно, ни в форме соучастия с кем бы то ни было никаких мер, клонящихся к уничтожению или умалению суверенных прав Кубани и Республики Союза Горских народов Кавказа.

4. Войсковые части одной из договаривающихся сторон могут переходить на территорию другой стороны не иначе, как по просьбе или с согласия Правительства этой стороны. Войска одной стороны, находящиеся на территории другой, поступают в подчинение этой последней.

5. Признавая желательным самое тесное экономическое сближение между договаривающимися сторонами, Правительство Кубани и Правительство Союза Горских Народов обязуются урегулировать путем особых дополнительных договоров вопросы:

А) товарообмена и таможенный, Б) транспорта (железных, водных и грунтовых путей), В) почт и телеграфов, Г) денежного обращения и друг.

Настоящий договор подлежит утверждению в порядке установленном Конституциями договаривающихся сторон.

Договор сей составлен в двух экземплярах в городе Париже .. июля 1919 года".

Скажем несколько слов по поводу этого договора со стороны формальной и по существу.

Такие договоры получают силу только после того, как они надлежащим образом ратифицированы (утверждены, одобрены). Знали это и авторы договора, сделавшие соответствующую оговорку в конце его: ... ‚договор подлежит утверждению"... В данном случае, договор (при нормальном течении событий) должен был поступить на утверждение (со стороны Кубани) Кубанской Краевой Рады.

Заключение „открытых" договоров вообще нельзя подвести под оценку с точки зрения преступления или не преступления, ибо это, по существу, проект, предложение договора, который предлагает заключить уполномоченный уполномочившему его. Уполномочивший же или соглашается и утверждает (ратификация), или отвергает, а иногда с своей стороны предлагает проекты новых изменений, дополнений, сокращений договора и т. д.

Точно так же поступила бы (а иначе и поступить не могла бы) и Кубанская Рада. Она или утвердила бы договор дружбы, или отвергла бы его, или дала бы те или иные указания для его пересмотра. Не могло бы быть и речи о каком то суде над Делегацией за заключение такого договора. Самым большим „судом" Рады над Делегацией было бы отклонение договора и перемена состава Делегации.

Формально и по существу Деникин не имел никакого отношения к Делегации, а Делегация к нему. Если же кто (а в том числе и Деникин, по скольку Куб. Рада с ним считалась) хотел бы говорить с Кубанью по поводу таких договоров, то должен был бы делать это не с Делегацией, а с пославшей ее Радой.

Обратимся теперь к самому договору по существу.

„Договор дружбы" по существу не решает конкретно многих вопросов, даже в нем затронутых. Это действительно неопределенный договор дружбы, обещающий конкретное решение существенных вопросов в будущем.

Если бы такой договор бым предложен Раде, вряд ли она утвердила бы его сразу. Больше чем вероятно, что она потребовала бы сначала раскрыть содержание некоторых пунктов, а прежде всего решения пограничного вопроса и выяснения ничем в договоре не затро-

нутого вопроса Терского Казачества. В договоре действительно нет никакого упоминания о Терском Войске и неизвестно, считали ли его Горцы в составе своей республики и согласилась ли Кубанская Делегация с своей стороны на включение Терцев в ее (Горской республики) состав. Если бы это было так, то вряд ли Рада когда нибудь такой договор утвердила бы.

Тем не менее, повторяем, окончательное решение вопроса о договоре и „суд" над Делегацией принадлежал исключительно Раде и никому больше.

За что же, все же, повешен Кулабухов?

— Для нас не подлежит никакому сомнению, что дело тут не в форме и существе договора. Хорош ли он или нехорош, удачен или не удачен — вопрос по существу решался в ноябре 1919 года не в этой плоскости. Генералы, не признававшие за Казачеством никакого права на государственную самостоятельность, повесили Кулабухова, а тем самым решили вешать и всякого другого казака за самую постановку вопроса о возможности заключать подобные договоры Кубанью с другими народами и государствами независимо и без спроса у русских.

Кулабухова повесили за самостийность.

Чужинец.

Пропаганда вольноказачьих идей в эпоху Крымской войны.

(Идея вольного казачества в XIX веке).

(Окончание).

В описании маршрутов казачьих полков от Черкасска смешаны два элемента. С одной стороны, автор хочет изобразить всепожирающий российский империализм и донских казаков, как верных слуг царя, охраняющих границы царства, покоряющих народы, помогающих царю держать народы в рабстве. Одновременно он оплакивает казачью тяжкую долю, непосильную казачью службу, подчинение их командирам не-казачьего происхождения, особенно же немцам. Туть поминает Чайковский советы данные Александру I генералом Бенкендорфом в Париже, в 1815 году, — управлять казаками при посредстве не-казаков.

С другой стороны автор увлечен могуществом казачьей силы, охраняющей столь огромную империю. И казак, странник из Червоной Руси, „смотрит на казачьи полки в Новочеркасске жадными глазами и упивается еще более соблазнительными мыслями: что это за могучая сила Казачья!.."

Затем Чайковский рисует картину, как Свидзинский об'езжает Землю Войска Донского, напоминая донцам о казачьем прошлом, рассказывая о том, что видел на Западе, о казачьих дозорах на Востоке. И у старших встает в душе память о славном прошлом, в душу молодых — западает надежда на великое казачье будущее.

„Теперешняя мощь казачья у донцов пред глазами, великая, но... по указу царскому...

„И давняя, прошлая мощь... но та — во имя самого Казачества!.. Не вернуться ли к этому имени и на будущее время?!

Ибо до наших дней рыцарство живо в казачестве и живо казачество"!!!

Повесть продолжается фантастической картиной: Николай I, в кремлевском дворце, окруженный генералами, повелевает заточить и сослать староверческих епископов и священников, а монахов расстричь и сдать в казаки для образования ленкоранского казачьего войска. Черницу Наталью, святую казачью, наказать телесно, расстричь и сослать в ленкоранские казачьи станицы, для выдачи замуж за казака.

Царю докладывают рапорт ротмистра Дубельта, который был ранен на Кавказе и, по дороге домой, в в Аксайской станице подглядел и подслушал собрание виднейших представителей донской старшины по случаю приезда Свидзиньского — полковников, генералов, самого... наказного атамана! Говорили о казачестве пели казачьи песни, составляли именные списки (!) вождей восстания. Дубельт похитил списки и прислал их в Москву. Николай I-й потрясен: подписей тысячи — целый Дон! Он бросает списки в огонь, но приказывает — повесить Свидзиньского в войсковом кругу в Новочеркасске, при звоне колоколов войскового собора.

И в то время, когда в Новочеркасске приводится в исполнение это царское повеление, — „площадь с с виселицей окружена хмурыми и загадочно грозными донцами", а Свидзиньский бросает у виселицы свою половину дедовского креста, прежде чем закачаться в петле, — в город вступают новоназначенные ленкоранские казаки. Это — „староверцы, дети Украины (?), хлоп в хлопа, настоящие дубы", и молодежь из корпусов, польская шляхта, сданная в казаки, и их — по царскому указу — невесты. Среди последних — бледная ленкоранская казачка, святая Божья, святая Казачья. Она поднимает глаза на виселицу, видит брата в петле, половину дедовского креста на земле. Наталья роняет с в о ю половину креста, падает, умирает...

Ленкоранские казаки и их невесты, грустными рядами, проходили мимо — на Ростов, на Кавказ... Но будет день, кто подымет и сложит вместе половинки креста. И, подобно им, сольются во-едино западные и восточные казаки. Так должно быть! Во имя Божие, во имя чести и славы Казачества"!..

Таким призывом кончает Чайковский свой романтический рассказ. Был ли этот рассказ переведен на язык доступный донцам, — русский, или на язык украинского и запорожского казачества — украинский, нам неизвестно. Повидимому, нет! Разве что сам Чайковский читал его по украински своим оттоманским казакам, где нибудь в лагере, в Добрудже, в Румелии. Одно можно сказать, что до казачества на Руси, в пределах Российской Империи, не дошли ни вольно-казачьи фантазии Чайковского, ни подделки под украинские песни Тимка Падуры.

Гораздо интереснее, с точки зрения пропаганды идей вольного казачества, были исторические и публицистические статьи Чайковского и его сотрудников, помещенные в том же польском сборнике „Казачизна в Турции", выпущенном в 1857 г. в Париже. Все эти статьи посвящены казачеству, его истории, его будущему, и — по идее, их об'единяющей — составляют одно неразрывное целое. Цель сборника — оправдать и об'яснить появление на свет и существование Оттоманского казачества, об'яснить по польски польской эмиграции, что это казачество лишь часть великого польского национального дела, нужная, полезная и необходимая для освобождения Польши, возрождения ее в ее исторических границах.

Но Чайковский — выше и шире по своим взглядам, чем та аудитория, к которой он обращается. Из за польского шляхетного националиста „белого" эмигранта, писателя-романтика все яснее обрисовывается фигура казачьего энтузиаста, восторженного поклонника вольного казачества, единого от Карпат до Яика и Кавказского хребта. Это не только польский романтик „украинской школы", подобный Залесскому, Мальческому, Гощиньскому, украинофилам и казакофилам. Чайковский настолько захвачен идеей казачества, что он говорит и действует уже не как поляк-казакофил, а как казак и к а з а ч и й патриот. Для него и казачество не ограничивается лишь Украиной и Запорожьем. Он думает с восторгом и о Доне, и о Яике, и о Тереке, и в с е казачество хочет об'единить в великое целое.

Казакия, говоря теперешним термином, для него выше Украины, выше даже Польши. Подобно тому, как украинское национальное движение превратило в горячих украинских патриотов великорусса Костомарова (в 40-х годах) и поляков Антоновича и Рыльского (в 50-60-х годах), точно так же идея казачества захватывает на долгое время польского патриота Чайковского и делает его провозвестником вольного казачества.

Обращаясь к содержанию исторической части сборника „Козачизна в Турции", мы находим все основные положения, которые 70-75 лет спустя развивает группа „Вольного Казачества". Изложены были эти положения в порядке не совсем логическом.

У Чайковского на первом месте поставлено Оттоманское казачество, и уже к нему привязаны и исторические очерки о былом казачестве на Украине, в Запорожьи, на Дону т. п. Это понятно. Чайковскому надо было подвести теоретический фундамент под свое практическое дело — создание казачьего центра в Турции. Но теоретический фундамент его оказался куда шире, чем созданная им на практике организация Оттоманского казачества.

В предисловии к сборнику (с. XIII-я) Чайковский писал: „Турецкое казачество долго молчало, действуя... и предоставляя другим слова и теории. Теперь с правом гражданства на своих знаменах, не призывая никого на суд, оно само появляется перед общественным мнением". Ему казалось, что казачество само себя осознало, верило только в себя, в свою жизненность и, вдохновляя других, взаимно само себя укрепило ответным откликом.

Шаг за шагом излагали авторы статей сборника историю казачества, главным образом, украинского, в широком смысле слова, и запорожского, на основе традиции, установившейся еще в XVIII веке в польской, а за ней и в украинской историографии. В статье „Казаки с Литвой и Польшей" автор вел начало казаков от Симеона Ляха, который будто бы, в 948 г. пришел на лиман, у устья р. Буга для „полевания дикого зверя", вокруг него собралось до ста товарищей, выбравших его своим атаманом. „Кош" этих славных „лучников" (стрелков из лука) был, будто бы, приглашен императором византийским для обороны против турок (?) и сарацинов, и атаман, уже с 2 тысячами людей (из Медведевки и Лысинки на Украине) пришел на Дунай и освободил край от турок. Император отписал об этом подвиге королю польскому (?), прося его иметь попечение о них и не звать их иначе, как казаками. Эти „казаки", будто бы, поселились в районе Очакова на Днепре и создали там свой „улус".

В 1326 г. вел. князь Литовский Гедимин отобрал у суздальского князя, татарского данника, Южную Русь с Киевом, а князь Симеон Олекович вновь построил Сечь, разоренную Батыем. Король польский Казимир инкорпорировал княжество киевское в состав Польши в 1470 г., а Сигизмунд I-й впервые поселил казаков над днепровскими порогами, а столицею атамана и войска приказал быть Черкасску (очевидно, Черкасам). Он же утвердил первым атаманом выбранного казаками Дашкевича. В 1516 г. он же дает казакам земли по обе стороны Днепра, с правом вольного выбора атамана. Из дальнейших вождей казачьих автор отмечает Богдана Рожиньского, который, с помощью Донских казаков, взял Белгород (?) и перенес туда столицу из Трехтемирова. Стефан Баторий учредил казаков „реестровых" (6 полков по 1000 ч.) пожаловал гетману булаву, бунчук и печать, а столицей указал быть г. Чигирину.

Автор статьи отрицал наличность у украинского казачества к.-л. стремления к отпадению от Польши и созданию своего государства, до Хмельницкого во всяком случае. Хотя само географическое положение говорило за то, что здесь могло бы создаться могучее (казачье) государство. „На беду славянского племени", оно не создалось (стр. 281).

„С Польшей об'единяла казаков общая кровь, успехи, стремления к вольности, рыцарство, благородство („шляхетность"); с Москвою же лишь общность (религиозных обрядов, а помимо того ничто и ничто (nic a nic), однако же казаки пошли с Москвой из-за ее подстрекательства скорее, нежели из-за собственных страданий за веру и вольность; казаки мстили Польше за ее единство с Римом и ее проповедь латинства".

Автор не одобрял польской политики окатоличивания Украины и нарушения казачьих прав. „Гадзяцкий" договор с гетманом Выговским ставил Русь и остатки казачества наравне с Литвой (в составе польско-литовского государства), и обеспечивал им применение Литовского статута. Однако, слепота польских правителей и шляхты свели на нет эти польские обещания казакам. Из польских детей и воспитанников казаки стали врагами Польши. Крушение казачьего государства, федеративно связанного с Польшей и Литвой, автор считал великим несчастием для Польши, и для казаков, и для Руси, и для всего славянства.

Особая статья посвящена была „Переяславскому договору" 1 (13-го) марта 1653 г. Автор считал важным напомнить публике текст договора, чтобы она видела, какими правами и вольностями гражданскими и войсковыми обладала „Малорусь" при поляках, и какие она считала нужным выговорить себе у царя. „Договор имеет также великое значение в народной жизни казачьей Руси, а не менее и для Черноморцев, Донцов, Уральцев, Кубанцев, „Симбирцев" (? Сибирских казаков ?) и т. д., ибо почти все они имеют такие же или подобные традиции, между всеми ними органическое сродство и всех их оживляет единый дух"... Еще более значение имеет то обстоятельство, что географически казачьи войска соприкасаются между собою, что большинство их понятий им одним свойственно, и что всех их одинаково их властитель (царь) пытается перевести из состояния вольного рыцарства в полукрепостное.

Автор статьи отрицал за Россией право одностороннего изменения или отмены переяславского договора, придавая ему характер международно-правовой. Он ставил его наравне с унией Литвы и Польши, с капитуляциями Молдо-Валахии в отношении Турции, с польской конституцией 1815 года.

Однако, Россия отменила конституцию Царства Польского, как потоптала она Русь казачью, Грузию, Крым, Финляндию, и хотела по своему запановать над Донцами и над взятыми под покровительство Молдо-Валахами. Со всем тем переяславский договор сохранил для Руси (читай Украины) значение внутренней конституции благодаря Литовскому статуту, а внешне — благодаря праву свободного выбора гетманов и приема (хотя и с оговоркой) послов.

Автор считал полезным напомнить переяславский договор и с международной точки зрения, и с казачьей, и с украинской, пророчествуя нарождения среди казачества „единой идеи" и появление „Мужа сильного" для претворения идеи этой в жизнь.

В статье „Казаки и Русь Украинская с Москвой и Россией" автор давал краткий очерк борьбы казачества за его вольности и за гетманский „регимент" на Украине, посылки Петром казаков на рытье каналов, учреждения Малороссийской Коллегии, уничтожения гетманства при Екатерине. Но он счел нужным дать полный перевод указа Екатерины II-й об уничтожении Сечи Запорожской (1775 г.).

Особая статья посвящена была „Киеву и Москве в борьбе за верховенство метрополии и росту сект в Московском царстве".

Автор одобрял меры Польши к созданию унии с Римом и к подчинению православного населения польской Украины через митрополита Киевского патриарху вселенскому (константинопольскому) и порицал политику подчинения церкви на Украине патриархам всероссийским, а затем Синоду.

Очень любопытно в статье этой выражение ненависти к Андрею Боголюбскому, разорившему Киев в 1169 г. „Он, именно, а не монголы, не Иван Грозный или Петр Великий, был истинным творцом московского царства"...

Помимо изображения раскола, как результата вмешательства государственного деспотизма в дела церкви; помимо истории сект как выражение свободных исканий народного духа, автор касался и вопроса об этнографическом составе великорусского племени.

Он с восторгом приветствовал теорию Духиньского,

что московская Русь это — Русь Астраханская, Казанская, Нагайская, Суздальская, Уральская и Чудская, ничего не имеющая общего с Русью заднепровской, со славянским Галичем, Киевом, Новгородом и Псковом.

Вопроса о происхождении казачества автор не касался. Он не отрицал, что „казачью Русь“ оттолкнуло от Польши усердие иезуитов, но тут же добавлял, что с другой стороны, „апостольство Финнов, Уральцев, Татар и Жидов“ (т. е. всех вместе — великоросов), — „апостольство при помощи топора и олова, — привело к тому, что Россия, — по выражению Жозефа де-Мэстра, — вся источена сектами насквозь, как труп червями“. Автор статьи не подчеркнул постоянной мысли М. Чайковского о значении раскола для казачества в борьбе его за освобождение от России и ее политического и религиозного ига.

Чайковскому важно было доказать связь между историческим войском запорожским и его оттоманским казачеством. Поэтому он в самом начале сборника поместил статьи об исходе запорожцев в 1709 г. с Мазепой в Турцию, о договоре Войска Запорожского с турками (Pacta conventa 1710-го года), напечатал письмо Филиппа Орлика к кошевому от 20-го дек. 1720 г.

Большие статьи им были посвящены житью запорожцев в Турции, казакам добруджским, старовердам на Дунае, некрасовцам. Наконец, большая же статья излагала историю Оттоманского казачества с 1853 по 1856-й год.

Касаясь этих статей в разных главах нашей работы, мы не будем здесь излагать их содержания.

Как мы видим, М. Чайковский и его сотрудники, значительно расширили и углубили вольно-казачьи идеи, возникшие в их среде на почве польского казакофильства. Недаром горячие польские патриоты и при жизни Чайковского и втечение полвека после его смерти холодно и недоверчиво относились к „казачьим“ идеям и планам Чайковского. Исходя всегда из мысли о воссоздании исторической Польши Чайковский, вольно или невольно, лучшую часть своей души и своей жизни отдал казачьему, а не польскому делу. Вот почему такое видное место надо было отвести ему в истории вольно-казачьих идей в XIX-м веке.

Николай Посохов.

Взойдет солнце!

„Никто, зажегши свечу, не ставит ее в сокровенном месте или под спудом, но на подсвечник, чтобы входящіе видели свет“.
Ев. от Луки, гл. II.

10-го декабря 1927 года в далекой золотой Праге загорелся казачий светильник и могучей волею сильных духом водружен на высокий, национальный идейный казачий жертвенник. Светильник этот — „Вольное Казачество“, зовущее об'диниться всех казаков под единое вольноказачье знамя. Свет от этого светильника осветил многие бродившие в темноте души и указал им истинный путь. И не только осветил и, как спасительный маяк, указал путь, но своим внутренним идейным теплом согрел и согревает казачьи души, рассеянные по чуждым далеким странам всего света.

Но в мире так уже ведется с самого сотворения его, что свет не всем нравится и многие любят тьму и хотят и других вести в эту тьму. Причину такого отвращения к свету, хорошо об'яснил Иисус Христос словами: „всякий делающий худые дела ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его“ (Ев. от Иоанна, гл. 3).

Читая особенно усилившіеся за последнее время, незаслуженные нападки по адресу „ВК“ даже тех, которые по своему положению, отношению и связи с казачьим народом, казалось, должны бы были дать личный пример и самим стать под высоко и широко развевающееся казачье знамя, приходится нам, казакам, краснеть за наших бывших вождей и Атаманов. Правда, это происходит не по нашей казачьей вине, а потому, что у наших Атаманов не хватает гражданского мужества сознать свои прошлые ошибки и честным, искренним служением своему народу загладить прошлые грехи. Напротив, с упрямством, достойным лучшего применения, эти бывшие вожди стараются всеми силами отвлечь других казаков от естественного устремления к своему родному,

Казаки, не забывшие своего родства со своим славным прошлым и выстрадавшие это прошлое настоящим, так просто и скоро, подчиняясь чувству влечения к своему, а не чужому, стали в ряды под знамя ВК, едва оно было развернуто в далекой Праге. Но были и есть, к стыду нашему такие казаки, которые утратили это естественное чувство родства со своим народом и его прошлым. С одним это случилось потому, что они учились и воспитывались в чужой для них, не казачьей среде; у других это чувство не развилось в в силу незнания своей истории, а третьи, наконец, этому чувству предпочли материальные посулы и личные выгоды за прислуживание чужим барам. — Пусть каждый казак по своей совести и своему разумению судит, какая из этих трех категорий казаков совершает более тяжелое преступление перед своим народом и своей Родиной — Казакией.

Еще до открытого провозглашения Вольно-Казачьей программы и водружения казачьего знамени в Праге, казаки скрытно в сердце своем носили эту программу, но когда они пробовали о ней заговорить, то тут то и проявляли себя те, кто прятался в казачью одежду, но душой был или не казак, или же казак, утративший родство с Казачеством по тем или иным причинам.

Попав с Лемноса в Сербию, Кубанцы в большинстве стали на дорожные работы (постройка шоссе). Началась тяжелая трудовая жизнь, но благодаря тому, что сотни состояли сплошь из казаков, за малым исключением, жизнь казаков и офицеров облегчалась духовным общением друг с другом. Вспомнят станичники какой нибудь случай из недавней войны, поговорят между собой и даже поспорят, а потом при удобном случае придут к своему станичнику офицеру, сотнику или есаулу, сообща опять заведут разговор о том же и спрашивают, как бы поступил на их месте сам станичник офицер. И, конечно, в этом живом духовном общении, в этой связи невольно высказывались затаенные думки казачьи и казаки не боялись и не стыдились простым языком излагать их своим офицерам. Иначе обстояло дело в тех сотнях, где офицеры были или не казаки, или же получившие задание перевоспитывать казаков по „Осважной“ программе. Ведь казак обладает чуткой душой и сразу понимает, что те пластинки, что ему поют прислужники чужих бар, ничего не говорят его казачьей душе и сердцу, — и, вполне понятно, прятал глубже свои казачьи думки, предпочитал иногда за десятки километров, пойти к своему казаку офицеру, хотя бы даже и другой станицы, но которому верил, чтобы отвести душу, а иногда и спросить совета. Офицерам „осважного“ направления не нравилось, что казаки им не доверяют и больше общаются с казачьими офицерами, чем с ними. Их самолюбие страдало от этого. Думаю, что генерал Зборовский и сам генерал Науменко помнят многие инциденты того времени между казаками и офицерами, возникавшие главным образом на почве взаимного непонимания. Те офицеры старались направить казачью мысль по чужому пути. И многие казаки предпочли покинуть родную казачью дивизию и идти искать работы на стороне, не желая, чтобы их казачью душу насиловали.

Это — наглядный пример того, что еще „ВК“ не развернуло своего знамени. а борьба в нем уже шла, ибо, повторяю, каждый казак эту программу носит в сердце и хранит в душе. А в таком положении, в ка-

ком очутились казаки, не по своей вине лишившиеся Родины, семьи и всего родного и милого, у них осталось только одно, это душа, и они ее бережно охраняют и не позволяют людям, хотя бы даже бывшим их вождям, незаслуженно плевать в нее.

В то время, когда раздался открытый клич: под вольно-казачье знамя! — я уже не был в дивизии, но до меня из переписки с друзьями, доходили отголоски тех мероприятий, которые принимались для ограждения казаков от проникновения к ним Вольно-казачьего слова. Но предоставим истории судить этих наемных вождей. Здесь только хотелось бы задать вопрос: для чего они это делают и верят ли они в правоту своего дела? Для чего они препятствуют казакам узнать свою историю, свое прошлое, и стремиться занять свое место в семье других народов? Конечно, я думаю, что, отчасти, их заставляет это делать обещание бар наградить в будущем, ибо наняться значит продаться. Служа чужим интересам, они не могут допустить, чтобы казаки узнали истину. Ведь знание истины делает человека свободным! Познав свое место и цену себе, он волен идти, или не идти туда, куда его зовут. Да и сам Спаситель, беседуя с учениками, сказал: „Вы познайте Истину и Истина сделает вас свободными".

Раз Казачество познает себя, свою историю, сознает свою силу и цену себе, иначе говоря — всю правду о себе, которую Русское Правительство извратило за долгий двухвековой период господства в наших краях, то захочет вернуть утраченное и занять принадлежащее ему по праву место в семье других народов, и тогда русским придется проститься с золотой мечтой иметь у себя в подчинении, на рабском положении казачий народ, да еще с такими неисчерпаемыми естественными богатствами, которыми обладает наша земля и которыми казаки захотят распоряжаться сами, без опекунов и чужого контроля.

Читая всегда информацию „Кавказский Казак", я заметил, как постепенно она стала все больше и больше заниматься русскими делами и интересами, поддерживая и углубляя в казачьих умах мысль о спасительности русской опеки, ссылаясь и играя примечаниями к конституции, надеясь повидимому, что не все казаки знают, что эти примечания навязывались и диктовались нашей Раде и Правительству — чужими, силой оружия. Это заставляло тревожно задуматься и задать вопрос кому следует.

Поделившись своими размышлениями по поводу направления „КК" со своими друзьями станичниками, живущими в Сербии, я имел успокаивающее письмо моего друга, где он писал, что группа его станичников, встретившись с ген. Науменко, задали ему вопрос „с кем он ведет нас, не ведет ли он нас по старому русскому пути, залившему казачьей кровью наши края", он, якобы, успокоил казаков, ответив, что идет казачьим путем в освобожденные казачьи края, а не в Москву. Говорил ли он правду? — Последние выступления против ВК заставляют глубоко сомневаться в том. Отвечая казакам и после своими поступками опровергая свои слова, ген. Науменко вопрошавших казаков, очевидно, не принимал за вольных людей, рыцарей и носителей истинной свободы и за таких же, как сам, братьев казаков, а скрыв правду, ответил им как рабам. Видимо урок русских бар, которые смотрят на казака, как они привыкли смотреть на своего мужика, воспринят хорошо.

В одной из бесед с учениками Спаситель сказал: „я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его, но я называю вас друзьями, потому что я сказал вам все, что слышал от Отца Моего" (Ев. Иоанна, гл. 15). Вот в такое положение Господина и поставил себя ген. Науменко в отношении Казачества, забывая все его бытовые и исторические особенности.

Бросаемый судьбой из страны в страну, как перекати поле, гонимое осенним ветром, я попал в Италию. Не все казаки верно знают, чем являлась в мирное время Италия для русской аристократии и сановного мира. Это была та благодатная теплая страна, куда русские бары приезжали сорить русскими деньгами. Многие и сейчас здесь имеют дома, дачи и землю и живут недурно. Так делают все дальновидные; по тому же пути следует и красная аристократия. Так например, аристократ от коммунны Максим Горький, отдавая должное европейскому капитализму и буржуазным предрассудкам, приобрел в собственность недурную виллу на острове Капри — на всякий случай. Впрочем, аристократии я коснулся так, между прочим, к слову.

Прожив три года в Риме, Милане и других городах Италии и встречаясь со всеми этими барами, я убедился лично, что мы, казаки, представляем в их мнении... У нас, казаков, действительно нет друзей ни среди русского народа, ни среди его бывшего правящего класса. Думаю, что каждому казаку, кто вращался среди русских, известен их взгляд и их мнение о нас, как в их официальной истории, так и во всех их теперешних докладах, где они почему либо касаются казаков. Мало того, читая доклады иностранцам, они вводят в заблуждение и этих последних на наш счет.

Однажды я возымел желание поделиться своими наблюдениями и предположениями с полковником Соламахиным, думая, что он доведет мое письмо до сведения Атамана. Я, предполагая, что Атаман тогда еще не продал своей казачьей души, сделал предположение, что рано или поздно ему придется бросить жребий и перейти один из Рубиконов, выявив открыто, с кем он. И вот теперь так и случилось. Поведя открытую борьбу с Вольным Казачеством, он перешел Рубикон, но не к славе, а к бесславию. Не хватило пороху в пороховнице... И старый Тарас в могиле наверно беспокойно повернулся от такого неказачьего поступка Кубанского Атамана.

Русские казаки обвиняют нас, вольных казаков, в том, что мы вносим в казачьи части политику, а политика, по их мнению, вредна для казаков. Но они забывают при этом, что сами они первые насаждали и способствовали насаждать осважную русскую политику, которую казаки не восприяли.

Живя с детства в станице и будучи сам сыном казака, я могу с уверенностью утверждать, что казаки всегда интересовались своей общественно-политической, войсковой жизнью. Русская же политика и русские газеты их мало интересовали. Интерес к русским газетам, напр., возрастал у казаков, только в период внешних русских войн, т. к. всякая такая война России большой своей тяжестью, как материальной так и моральной, падала прежде всего на казачьи народы. И в то время, как в России праздновали победы на фронте, казачьи станицы представляли из себя печальное зрелище. Матери и жены, дорогие существа которых грудью защищали Русские границы, печально двигались, как тени, автоматически исполняя привычные работы, с мыслями и взорами устремленными в даль... К тому же, русское правительство строго следило, чтобы в казачьих краях не расплодилось много газет, а если и были то под строгой цензурой.

В начале революции казаки познакомились с программами разных партий, и все искали среди них свою казачью партию. Также в 1918 году, при большевиках, казачьи делегаты, побывав в разных партийных с'ездах, возвращались в станицы недовольные, говоря, что были там на с'езде разные партии, а казачьей — не было.

Вот это искание казаками своей казачьей партии, своего места среди подобных ему людей, заставляет меня задуматься и поставить вопрос: Есть ли вольно-казачье движение партия? — Нет, вольно-казачье движение не только партийно-политическое, но и глубоко национальное, как следствие эволюционного исторического процесса казачьего народа, созревшего политически, и в массе своей сознавшего и чувствующего, что только возвращение своих былых человеческих прав, отнятых у них, только восстановление и возрождение своей былой государственности, обусловленной своими конституциями, традиционно бытовыми особенностями и полной независимостью даст возможность спокойного существования казачьему народу и естественному развитию его социально экономических возможностей.

Наши противники говорят, что вольно-казачье движение выдумано Игнатом Билым и сгруппировавшимися около него немногими лицами. Утверждение это

так же абсурдно, как было бы абсурдно утверждать, что фашизм в Италии выдумал Муссолини. Так могут думать только наивные умы, не знакомые с истинным положением и зарождением фашистского движения, вылившегося из партийных в национальную форму.

Обратившись к историческому прошлому казачьего народа, приняв во внимание его психологию, особенности его жизни, вытекающие из его вековых традиций и многие другие факторы, можно безошибочно утверждать, что вольно-казачье движение не есть современная выдумка, а оно родилось, или вернее, никогда не умирало в сознании казачьего народа и лишь искусственно было заглушено чужим господством, посягнувшим на свободу и независимость, а в настоящем посягающего на самое бытие Казачества.

Насилуемое в далеком прошлом царским самодержавием, обманутое недавно белой русской „мечтой", терзаемое ныне красными палачами и предаваемое Атаманами здесь, Казачество выжидает только удобного момента, чтобы вернуться на свой историчсский путь, освободившись от всякого насилия и чужого котнроля на своей исторической территории.

Пусть противники вольно-казачьей идеи, изощряют свое красноречие, выливая ушаты грязи на вольных казаков, переходя с пристрастием на личную почву, но пусть они не забывают истину, что тело убить можно, духа же, а тем паче духа целого народа угасить нельзя, как бы этого им не хотелось, Цель ВК — освобождение и возрождение Казакии на принципах свободы, равенства и братства, завещенная нам нашими предками, близка и дорога каждому казаку, и думаю нет такой жертвы, которую казак бы пожалел принести во имя этой идеи. В недавнем прошлом, когда казаки боролись за свое бытие, за свою хату, они явили не один пример безграничной жертвенности. Но когда их обманули, подменив живую национальную идею, чужой мертвой и увлекли на ложный путь, ставший столько напрасной казачьей крови. Слишком поздно казаки увидели, что их обманули и открыли замаскированных обманщиков.

Вольно-казачье движение принуждено развиваться и работать в исключительно тяжелых условиях, но если мы проследим историю других народов, боровшихся за свою национальную независимость, то увидим, что и их сперва немногие патриоты националисты преодолевали те же препятствия, что теперь переживаем мы. Но идейный пламень безграничной любви к родине, бескорыстное служение святой национальной идее и вера в правоту своего дела привели к желанной цели эти народы.

Около ста лет тому назад Италия была в железных тисках австрийского владычества. Итальянские патриоты, преследуемые австрийским правительством, ушли за пределы родины и там с помощью печати работали над об'единением разрозненных национальных сил, а когда настал момент, то Гарибальди, вдохновивший сначала пером и словом национальное движение, с тысячью добровольцев патриотов высадился в Генуэзском порту и совершил легендарный поход в Рим. Эта освободительная война была сплошным рядом небывалой жертвенности итальянских патриотов, во имя национального возрождения родины. Жертвы их не были бесплодны и привели к конечному триумфу их идеи. Но, как во всякой борьбе, так же и в идейной у возглавителя-вдохновителя должна быть армия, сплоченная верой в правоту своего дела и готовая стать на защиту его и принести себя в жертву для его торжества. Вдохновитель вольно-казачьего движения у нас есть, это наш печатный орган „Вольное Казачество" и его редактор с близко стоящими к нему сотрудниками. Будет ли то Игнат Билый или другой кто, или коллегия — не важно; нам, казакам, важны не лица, а идея и прямой казачий путь.

Некоторые бывшие вольные казаки уходят из рядов сотрудников из за „личных недоразумений" с редактором, как они после сообщают в „Кавказском Казаке", но это только доказывает неискренность таких сотрудников и отсутствие у них веры в вк. идею. При искреннем честном служении идее, личности стушевываются, их помнит, судит и оценивает лишь история.

Сейчас есть на лицо вдохновитель вольно-казачьего движения, но нужны также и бойцы — сейчас может быть только лишь идейные, а когда обстановка потребует — и действительные воины, спаянные стальной дисциплиной и глубокой верой в правоту и торжество своего дела.

Для торжества идеи необходимо, чтобы ее защитники и идейные борцы были верны этой идее, спаяны железной дисциплиной и неподкупны. Тот, кто больше ценит свое благо, чем благо своей родины, не есть верный слуга вольно-казачьей идеи. Истинный и верный слуга ее тот казак, который сейчас работая, как простой рабочий в шахтах, на заводах, в поле, идейно всегда себя чувствует связанным с вольно-казачьим центром и по первому зову готов встать в ряды фактических бойцов с оружием в руках для претворения в действительность своей национальной идеи. Дисциплина вольных казаков должна быть молчаливая, деловитая, больше в сознании своего долга, чем в показной муштре. — Такая дисциплина не столько должна выставляться на показ, сколько должна быть сознательной.

Дисциплина вольных казаков должна быть одна для всех, также и для руководителей, т. к. только подчиняясь, воин потом приобретает право командовать.

Если бы вожди вольно-казачьего движения потребовали бы слишком многого от казаков, нужно исполнить, так как это жертва во имя национальной идеи. Каждый вольный казак должен носить в сердце своем мечту Казачьей Родины — мирной, согласной трудолюбивой, в которой все бы чувствовали себя сынами одной великой матери Казакии.

Кроме чистой глубокой веры в правоту своего дела, вольные казаки должны развить в себе железную, упорную волю, не останавливающуюся ни перед чем, и иметь желание добиться цели во что бы то ни стало.

Так как вольно-казачье об'единение есть только исторический момент — этап к возрожденному казачьему государству, об'единенному одним и тем же бытом,

---

Мы не раз говорили уже о том, что даже те русские люди, которые считают возможным строить будущую „новую Россию" на федеративных началах, признавая право на федерацию даже за некоторыми „инородцами", никогда не признают его за Казачеством. В „Возрождении" от 18 сего ноября находим лишнее тому доказательство. Именно:

Е. Саблин (кажется б. русский посол в Лондоне), поднимая вопрос о „создании Об'единенной Союзной Империи с полноправным положением отдельных ее частей", приглашая к разрешению этой задачи подойти „добросовестно, политически-разумно и экономически-целесообразно" и ставя перед читателями вопрос „не пора-ли нам сесть за круглый стол и подумать...", имеет в виду приглашать за такой „круглый стол" „малороссов, грузин, азербейджанцев, армян и др. народы империи...", но не казаков.

Подчеркиваем это как лишний штрих, характеризующий отношение русских к казачьему вопросу — к сведению особенно тех „русских казаков", которые убаюкивают нас иногда „свободным Казачеством в свободной России..."

интересами и общей судьбой, — то всякий казак уже теперь должен считать себя гражданином Казачьей страны и как таковой не должен сторониться политической жизни казачьей нации.

Всякий, кто безразличен к судьбе своей нации и кто живет только для себя, ради любви к спокойствию, ради личного эгоизма и трусости, не достоин носить имя вольного казака. Вольных казаков должна связывать с Казакией гордость чувствовать себя и быть сыном казачьего народа, имевшего такое славное, героическое прошлое, которому завидовали другие народы, и стремиться в будущем возродить и поддержать эту славу на достойной высоте. Вольные казаки должны стремиться к могуществу теперешнего об'единения, а в будущем к могуществу и величию всей Казакии. Для всего этого нужна твердая внутренняя дисциплина, сотрудничество благоразумное и постоянное всех национальных сил. Только в таком случае вольно-казачье об'единение будет представлять единое крепкое молчаливое войско. Вольные казаки должны испытывать удовлетворение, служа свято и преданно национальной идее, так как теперешние деятели вольно-казачьего возрождения суть преданные сыны своей матери Казакии. Как сын исполняет свой долг в отношении матери, любя и ревниво, крепко и преданно, так и вольные казаки должны выполнять свой долг перед своей нацией. Вольные казаки должны иметь веру в славную судьбу своей родины и не сомневаться, а рассеивать и у других сомнения и должны служить верно, не требуя и даже не ожидая награды, но почитать за счастье быть полезным своей родине и защищать свою идею, а в будущем и свою мать Казакию от всяких внешних и внутренних врагов, прощая все своему несчастному брату, за исключением слов и действий против родины. Для успеха нашего дела, всем вольным казакам необходимо согласное и дружное сотрудничество и жертвенный энтузиазм всего Казачества, руководимого единой, могучей волей.

Заканчивая ряд моих скромных размышлений, явившихся следствием наблюдения над жизнью других народов, я хочу еще раз напомнить тем казакам и Атаманам, которые упорно борятся с вольно-казачьим стихийным движением, что лучше честным и искренним служением своему народу загладить свои прошлые грехи, чем усугублять их бесцельной и бесплодной борьбой со своими братьями казаками, чтобы впоследствии не получить вполне заслуженный упрек, выраженный словами поэта:

„Где ты был, когда в битву мы грозную шли,
Победить иль погибнуть готовые,
Отчего не лежит твой истерзанный труп
Рядом с нами, погибшими братьями?..

Итак, станичники всех войск, в ком бьется казачье сердце, не угас голос казачьей крови, и кто не разменял свою совесть, все с горячей верой под вольно-казачье национальное знамя, для дружной совместной и трудной работы и борьбы за лучшее будущее казачьего народа. Учитесь сами познавать себя и учите своих братьев.

Казакия — наша цель.
Наш девиз — Казачья Воля.

М. Б.

Еще о Терском и Калмыцком гербах.

В специальной статье о казачьих гербах (Календарь Альманах В. К. 1930 г.) нами были геральдически исследованы казачьи гербы вообще и одновременно поданы предварительные проекты новых гербов применительно к самостийническому казачьему движению. В тех проектах обращалось главным образом внимание на очищение новых казачьих гербов от всякого чуждого по сути неказачьего элемента, введенного в старые дореволюционные гербы Казачьих Земель российской геральдикой, и от всех устаревших, потерявших для возрожденного Казачества в настоящее время всякий смысл и содержание русских царских эмблем и знаков. Все остальное, свойственное Казачеству или нейтральное для него во многих старых казачьих гербах, возможных для принятия их ныне, оставлено было новыми проектами без изменений.

Конечно, при составлении новых проектов казачьих гербов не все детали в изменениях гербов старых и в гербах вновь запроектированных можно было сразу предусмотреть, предугадать и проработать, особенно же детали такие, которые касаются тех или иных, более лучших и совершенных чисто формальных гербовых комбинаций. Сначала нами были твердо установлены и освящены общие геральдические принципы, положения и характер казачьих гербов; были определены, так сказать, те общие необходимые геральдические рамки, в которых мог или должен был формироваться герб той или иной Казачьей Земли. Чисто же формальное упорядочение горбовых элементов и их наиболее удачное комбинирование, взаимное связывание и мелкие изменения оставались, естественно, открытыми и предоставлялись решению времени.

Несомненно, что каждое новое решение и упорядочение герба, вносимое в проект, может быть лишь желательно и полезно, поскольку оно базируется на веских исторических, эстетических, психологических или иных подобных основаниях и при том не вредит и не нарушает главного, существенного геральдического принципа того или иного герба.

В этом смысле недавно был упорядочен наново и окончательно Кубанский герб в проекте (см. „В. К." № 106), а в настоящем мы имеем необходимость сделать соответствующие замечания, касающиеся упорядочения и улучшения в проектах Терского и Калмыцкого гербов.

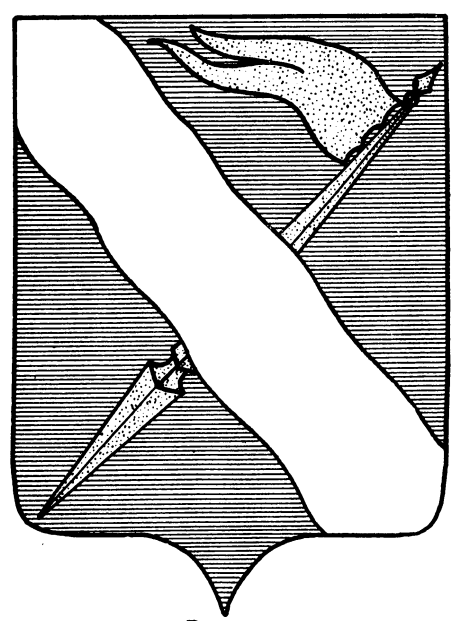

Рис. 1.
Терский герб.

В предложенном нами проекте Терского герба по сравнению его со старым бывшим дореволюционным гербом Терской области сделаны были следующие главные и существенные изменения: золотой императорский штандарт за серебряной перевязью был упразднен согласно требований идеи современного освободительного казачьего движения и заменен золотым же флагом; все остальное в гербе — нейтральная перевязь — и цвета

гербовые — черный (щит), серебряный (перевязь) и золотой (флаг) остались без изменения, как цвета для Казачества нейтральные (хотя они случайно и напоминают романовские цвета: чорный, оранжевый, белый).

Но вот в недавнее время от некоторых терцев поступило предложение упорядочить проект терского герба заменой чорного цвета щита на синий. Основанием такого изменения указывается то, что синий цвет свойственен терскому казачеству издавна и принят в его народный флаг. (См. Национ. цвета и флаги „В. К." № 54, 55). Такое основание, безусловно, очень веско, и формальное изменение цвета терского гербового щита на синий облегчается к тому же и элементарным правилом геральдики, позволяющим, даже рекомендующим перевод (обратный) цвета флага в герб.

Таким образом, новый проект терского герба с измененным гербовым щитом будет выглядеть так: В синем (голубом) поле серебряная волнистая перевязь справа налево геральдически, за перевязью слева направо золотой флаг на таковом же древке. (рис. 1).

Такое изменение необходимо отметить и в блазонировании герба. Терский герб потому блазанировался бы так: „В синем (голубом) щите волнистая серебряная перевязь влево, за которой вправо золотой флаг на таковом же древке".

Калмыцкий герб.

Точно такое же глубоко основательное улучшение или упорядочение необходимо отнести и к калмыцкому гербу, который, кстати сказать, в предыдущих предварительных проектах детально не был еще разработан. В проектах калмыцкого герба была начертана лишь общая геральдическая схема гербового построения; выдвинуты были общие возможные и желательные элементы его, опирающиеся на калмыцкие исторические традиции; окончательный же их выбор предоставлялся естественно самим калмыкам, как стороне наиболее заинтересованной в создании своего собственного геральдического знака. И вот вопрос о калмыцком гербе был рассмотрен детально калмыцкой организацией Национально-политической группы „Хальмак Тангчин Тук". Постановление калмыков относительно своего национального герба гласит:

„Принимая во внимание будущее политико-административное положение Калмыцкого народа, как суверенной единицы в составе самостоятельного Казачьего государства (Казакии) под именем — Калмыцкой Области — наравне с другими казачьими войсковыми единицами, Президиум „ХТТ" считает обязанностью всех членов группы, оказавшихся на первом, по освобеждении от большевиков, Калмыцком Национальном Собрании внести предложение о восстановлении и принятии национальных эмблем, как то: герба, пернача, знамени и др. необходимых атрибутов народного суверенитета.

Проект Калмыцкого герба, изображенный в составе проекта „Большого герба Казакии в Календаре-Альманахе за 1930-й г. на стр. 121, рис 17, со стороны цветов (голубой щит с золотым ободком), их расположения и символической фигуры (белый кречет) считать вполне приемлемым со следующими видоизменениями:

а), девять пучков якового хвоста вокруг кречета исключить, как эмблему, не имеющую смысла в отношении Калмыцкого народа, имеющего войти в состав Казакии, так как в свое время это означало число главных племен в составе былой Монгольской империи времен Чингис-Хана;

б), белого кречета (серебро на голубой эмали) изображать летающим, а не парящим, как изображено на проекте, так как белый кречет считается у калмыков предвозвестником „исполнения задумнного" только тогда, когда он пролетает перед путником, отдавая ему правое крыло". Следовательно, он должен быть изображаем на рисунке головой направо, правым крылом к зрителю.

Как видим, калмыки, также, как и терцы для нового упорядочения своего герба приводят глубокие основания, вытекающие из их исторических и бытовых традиций, скрепленных к тому же выразительными чертами их специфической национальной психологии. Подчиняясь такому, вполне оправданному желанию калмыков улучшить свой герб и, принимая во внимание все их относительно его замечания и раз'яснения, предлагаем при сем графическое изображение новопроэктированного калмыцкого герба, построенного согласно геральдических правил в желательном для калмыков направлении (рис. 2).

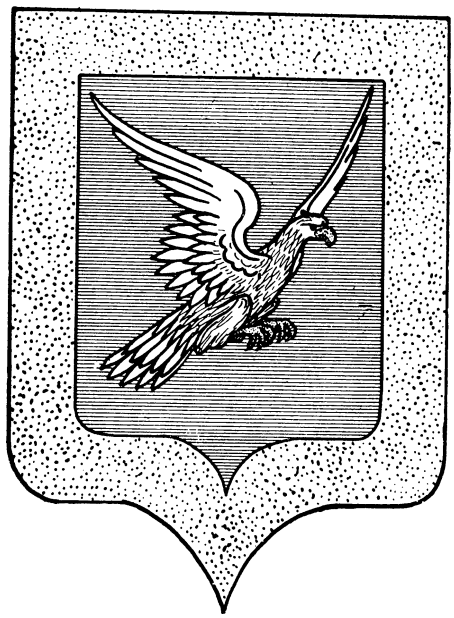

Рис. 2.

Главные изменения в калмыцком гербе касаются наиболее основной гербовой фигуры — кречета; по сравнению с предыдущим проектом изменяется совершенно его конструктивное построение; кречет в силу особенных национальных и бытовых калмыцких требований из фигуры чисто геральдической по форме изменяется в фигуру полугеральдическую-полукартинную вследствие необходимого в данном случае перспективного представления левого крыла.

Надо признать, что старая строгая геральдика совершенно отрицала какие либо перспективные сокращения или построения в гербах. Для нее было незыблемым и неукоснительным правилом изображать „общие геральдические фигуры" исключительно лишь в геральдическом (плоском) начертании. Однако новая геральдика часто отступает от этого строгого правила и постепенно в некоторых случаях переходит от изображений геральдических к полугеральдическим, даже к вполне картинным. Особенно отличаются изобилием таких случаев геральдики восточная и американская; европейская геральдика, правда принципиально придерживается строгого старого вкуса, разработанного и доведенного до совершенства герольдами рыцарских времен, времен расцвета геральдики, но и она в исключительных случаях подпадает влиянию новых веяний. Надо при этом заметить, что геральдика европейская все же избегает широкого в этом смысле произвола, присущего геральдикам восточной и особенно американской, построившей много гербов по принципу картинности; в крайней необходимости прибегает она к способу полугеральдического изображения „общих" фигур и то лишь в том случае когда имеет к тому какие либо особенные, специфические основания, могущие служить ей оправданием.

Опираясь на все эти примеры новой геральдики, мы и в изображении кречета в калмыцком гербе допускаем возможным представить его в некотором перспективном изображении, тем более, что это нам в данном случае просто диктуется необходимостью выделить в изображении кречета его правое крыло, играющее такую большую роль согласно национальному калмыцкому верованию. Вследствие этого левое кречетово крыло и лапу нельзя иначе изобразить графически, как лишь в перспективе. Правда, можно бы еще левое кры-

ло изобразить в одной плоскости с правым, как бы сплюснутым с ним, но здесь мы опять наталкиваемся на другое требование: представить кречета л е т я щ и м; сложенные же вместе крылья, хотя бы и поднятые, геральдически не изображают полет, а лишь готовность к нему, напряжение или возбуждение. Полет геральдически изображается распростертыми в разные стороны крыльями и потому у нас нет иной возможности представить кречетово левое крыло иначе, как в перспективе. Из необходимости выделять правое крыло кречета вытекает также новая необходимость представлять фигуру кречета, обращенного в левую (геральдически) сторону (правую от зрителя). Такому непривычному изображению фигур геральдика тоже противится. Согласно общего обычая все фигуры обращаются лицом друг к другу, и тогда фигура на левом (от зрителя) щите обращается профилем влево (геральдически).

Но так как все эти геральдические отклонения в калмыцком гербе вызваны по необходимости с у т ь ю самого герба, то они в данном случае не то, что возможны, но даже обязательны. Для ограничения же сомнения и произвола при изображении калмыцкого герба, все эти его необычные геральдически особенности должны быть упомянуты, кратко оговорены и зафиксированы в блазонировании герба.

Тогда калмыцкий герб блазонировался бы так: „В голубом с золотой каймой щите белый кречет, символ Духа-хранителя Чингисхана, отдавая правое крыло, влево летит".

О цвете золотого зоба и лап кречета нет надобности упоминать, ибо согласно общего правила при серебряной (белой) фигуре эти ее части всегда изображаются золотыми; в иных случаях оговариваются.

В тех случаях, когда кречета надо было бы уместить на знамени, то он должен помещаться на правой стороне знамен „от древка".

Думы и мысли.

Кто судил Кулабухова.

Пришел ко мне казак и долго молчал... Потом сказал:

Вот в „ВК" вы описываете смерть Кулабухова, и как и за что он погиб... Но, хочется мне, поделиться теми сведениями, которые я знаю и как очевидец и как сослуживец того подлеца, который его судил.

Этот подлец находится заграницей и живет себе спокойно. Живет он в Болгарии.

Фамилия его — Л ы ч е в, Дмитрий Иванович. Станицы он Ахметинской Лабинского отдела. Прихода в полк 1904 г.

Чтобы все казаки знали, кто же это и какой тип взял на себя роль судьи Члена Рады и честнейшего казака и патриота, вкратце изложу его служебную карьеру.

В 1905 году Лычев попал в учебную команду, в которой был тогда ныне покойный, под'есаул Венков. Тут у Лычева сразу выявились способности чисто „судейские": он обокрал казачьи седла: поснимал тарачины, подменил подпруги и был пойман казаками с поличным. Учебенцы обратились с просьбой к нач. команды наказать Лычева своим судом и, получив разрешение, решили выпороть его плетьми за кражу. Била его вся учебная команда (по две плети), а закончил урядник Вас. Карпович Хлопаков, ст. Вознесенской. После этого казаки его выгнали из учебной команды.

Вернувшись в сотню, которой тогда командовал есаул Успенский (впоследствии В. Атаман) в колонию Еленендорф, Елезавет. губ., Лычев перед ним расплакался, что он пережил такой позор, что сильно страдает и хочет быть урядником. Есаул Успенский пожалел его, предложил заниматься разведкой и потом по рекомендации Успенского перед командиром полка Лычев за разведку был произведен в урядники. Получив нашивки, он остался на сверхсрочную на 2-ва года и ушел в школу подхорунжих. По приходе из школы он явился хорунжему Ботвинкину:

— Пришел подхорунжий Лычев...

На что тот ему ответил:

— Пошел вон, свинья...

Казаки не любили Лычева за предательство, „выслуживанья и пр. качества. Командир сотни есаул Успенский к тому времени ушел из полка, приняв батарею, а на его место был назначен перс Шах-Рух Дараб Мирза. В Персии этот Дараб Мирза убежал, дезертировав к шахсаванам, которые звали его быть у них шахом. Вместе с ним хотел бежать и Лычев, но был открыт и уволен из полка, а Дараб Мирза был тоже пойман казаками.

Во 2-й Лабинский полк он поступил добровольно на офицерскую должность. Там он был временно назначен помощником начальника пулеметной команды к под'есаулу Трубачеву, где отличился незнанием дела на смех всех казаков. Через короткое время он был опять откомандирован в сотню.

Вот такого человека враги Казачества и выбрали для роли „судьи" на д А. И.Кулабуховым. И казаки, прочитавшие это, поймут, что для таких людей воля начальства выше идеалов своего народа, а внутреннее содержание дальше воровства и дезертирства не идет.

Нам, казакам, вдвойне должно быть стыдно за то, что мы допустили в эти тяжелые дни выявляться таким вот типам и чинить суд и расправу над нашими лучшими людьми. Будем же надеяться, что пришло время, когда каждый казак понял, что благо Казачества и его избранников должно быть выше всего, и мы должны быть готовы в будущем быть сознательными гражданами своего Отечества...

Казак замолчал и опустил голову. Молчал и я...

— Знаю я, кто и вешал... сказал он, но взялся за папаху и пожал мне руку...

Борис Кундрюцков.

Правда сбудется.

М. Г. Г-н Редактор!

Не откажите поместить на страницах уважаемого мною Вашего журнала несколько строк моего письма ко всем казакам, кои еще не осознали, кто мы есть — казаки или русские.

Здесь, на страницах уважаемого нами журнала я хочу рассказать вам, братцы, о своем одном предположении, которому сейчас ровно двадцать пять лет.

Многим ли из нас (простым казакам) в 1907 году приходилось р ассуждать или писать о том, что мы, казаки, есть особая нация, а не русские люди. Я думаю, что не многим. Будучи еще молодым казакам всего 22 лет, 24 января 1907 года, прибыв в 1-й Линейный полк (гор. Ромны), я был зачислен писарским учеником при полковой канцелярии. Как зеленый (тогда так называли прибывших в полк молодых - старые казаки) и не опытный с канцелярским делом, да и вообще с письмоводством, — что мне можно было поручить из дела по писарской части, кроме переписать готовое, подшить бумаги „к делу", то подай, то положи на место и т. д.?

Этим делом первое время я только и занимался. Потом уже мне было поручено более сложное дело, как печатание на машинке приказов по полку (по строевой и хоз. части), печатание под диктовку ад'ютанта приказаний и пр. Ежедневно из приказов по полку я делал отметки по послужным спискам, кого касается, конечно, из казаков полка. Здесь уже во всем должно быть особое внимание и аккуратность.

Однажды нужно было написать какому-то казаку послужной список; и вот там есть графа с вопросом: „какой национальности". Тут, по моему тогда предположению, нужно было написать „казак", но прежде чем это написать, я, во избежание порчи бланка, тихонько обратился к вблизи сидящему за другим столом

старшему от меня годом писарю А. Н. Цыбину (стан. Имеритинской): как писать, казак или руский? Он глянул на меня, усмехнулся и говорит: „пиши — русский". Я, хотя и не с охотой, но, раз сказано писать русский, значит так и пишу.

Однажды командир полка, ныне еще здравствующий генерал Петр Иванович Кокунько, о чем то разговаривал с офицерами в канцелярии писарей и я тогда только и схватил от него фразу: „предположения всегда сбываются". И вот эта фраза камандира полка как будто нарочно была сказана к моему предположению.

Время идет. Я продолжаю свое дело, но на уме у меня „гвоздем была прибита" фраза: „предположения всегда сбываются". Как же и когда может сбыться мое предположение, что я по национальности буду значиться к а з а к, а не русский. Думал вступить в разговор по этому поводу с полковыми писарями: по строевой части с Т. М. Пироженко (ст. Мартанской) и по хоз. с В. Г. Головатенко (ст. Саратовской), но думаю — я еще „зеленый" и такой вопрос быть может не понравится им, хотя и видел, что они на все 100% казаки. Боюсь, что за такие разговоры буду взят под подозрение и сразу же выпрут из канцелярии, а этого я боялся. Скажут люди потом: „да его выперли из полковой канцелярии". Этого мало, в то время оклеймили бы меня „политиком", как тогда часто приходилось слышать разговоры о тех казаках, которые в 1905 были замечены в „политике".

Но а я в то время понимал в политике так, как цыган в овцах... Да и на самом деле, в 1907 году еще не нормальное положение было и некоторые сотни полка были размещены в Полтавской и Черниговской губерниях.

И вот попробуй тогда заговорить на тему о казачьей национальности, да тут тебя сразу же возьмут за холку. Молчу. Служу до 1 августа 1910 года и так ухожу домой с тою же мыслью: „предположения всегда сбываются". Думаю, хотя командир полка так и сказал, но никогда мое предположение не сбудется. Не верю да и только.

И что же вы, братцы, думаете, ведь были пророки и записывали они в книги свои взгляды на прошлое, настоящее и будущее время и некоторых пророков предсказания все же сбывались. И теперь они сбываются на нашем жизненном пути.

Так вот и слова генерала Кокунько сбываются и я не ошибся в своем предположении и оно сбылось ровно через 25 лет. Я слышу голоса своих братьев казаков, рассеянных по всему белому свету, что мы казаки есть особая нация.

Если это вам, братцы, покажется неправдоподобным, то не сочтите за труд проверить исторические факты, записанные на страницы журнала „ВК" в №№ 106 стр. 12—15 и 107 стр. 16—19 и в других номерах смотрите сами и убеждайтесь, ч т о мы казаки за народ есть.

Не думайте, братцы, что я рассказал вам какую либо выдумку, нет, это действительно у меня тогда было такое предположение, что я свой казачий народ считал нацией, а не сословием.

Выходя из пределов темы, я скажу Вам, братцы, теперь следующее. Если бы мы не были особым народом и особой нацией, то пожалуй так ревниво не защищали бы идею Вольного Казачества наши братья казаки во Франции, которые не постеснялись никаких прежних „вождей" и сказали свое слово на стр. журн. „ВК" № 96, стр. 25—26; 100 стр. 12—15; 106, стр. 23—24 и т. д. смотрите сами, что не они одни группами по 150 человек защищают свое милое и дорогое Казачество, а вы, читая журналы „ВК", найдете много и других казаков, которые и групами и в одиночку громко кричат о защите своей нации и своего народа от зверских мук русских большевиков.

А за что мы страдаем здесь в изгнании, так это хорошо напомнил нам один из наших казаков в эмиграции А. Д. Аникушин (терец) в № 66, стр. 13 и по моему он прав.

Прошу вас, дорогие братья, безбоязненно стать на свой казачий путь и, не обращая внимание ни на какие угрозы со стороны противников Вольноказачьего движения, громко заявить о своей солидарности с борцами за казачью идею. Поспешим осуществить Вольноказачий с'езд. Обязывает нас к этому голос наших братьев в журнале „ВК" № 77.

Н. Боровлев (Бельгия).

Гордость, превратившаяся в глупость.

Когда моральная сила, хоть как то сцеплявшая все народы под крышей одной империи была уничтожена русскими руками, когда все договоры, присяги и иные причины, связывавшие народы с имперским центром, сами собой исчезли, тогда народы автоматически вернули себе свое право на самостоятельное устроение своей государственно-национальной жизни. В этом порядке и казаки, восстановив свою древнюю государственную независимость, перестали быть русскими подданными. И они, подняв знамя борьбы за свою свободу, вели эту борьбу больше двух лет с полным напряжением всех своих духовных, материальных и физических сил.

Но к несчастью, под напором бесчисленных русских красных полчищ, взрываемых извнутри „белыми" русскими, а также отчасти в силу предательства некоторых своих же казачьих „вождей", казаки, на спинах коих держался и весь так называемый „белый фронт", потерпели поражение на поле брани и, вместе с русскими, с поразительным упорством и искусством подрубившими тот сук, на котором сидели, оказались в эмиграции и скитаются по всему белому свету.

Жизнь казаков и калмыков, этих природных степняков, привыкших к своему широкому степному простору, дышавших чистым степным воздухом в условиях фабричного труда, бесконечна тяжела; тоска по своим родным, Родным Краям еще больше усиливает тяжесть жизни. Но к этой общей горечи прибавляется еще и специальная горечь от того бескрайнего презрения их со стороны „своих же братьев" — русских, которые свою привычку презирать всех не-русских, всего не-русского, не оставляют даже после 14 лет пребывания в среде культурных народов...

Южин — маленький провинциальный французский городок, где живут много русских, принадлежащих разным политическим течениям — от кирилловцев до не-возвращенцев включительно. Там же живет не малое количество казаков, в том числе человек 15-20 нас, калмыков. Все живут в одинаковых условиях, делают одну и ту же работу, на одном и том же заводе. Над всем одинаково царит грозный окрик контр-метра. Так что гордиться друг перед другом нам, эмигрантам, как будто нечем. Особенно русским „патриотам" перед казаками, ибо казаки и калмыки, как правило, где бы то ни было, живут гораздо культурнее, чем спесивые русские, воображающие себя культурными людьми. В каком отношении культурнее? — Конечно, они, казаки и калмыки, звезд с неба не хватают, но они трудолюбивые, трезвые, одеваются лучше, живут чище, чинно, внутренне спаяны, своим поведением всюду снискивают к себе хорошее отношние как администрации заводов, где работают, так и у соседей — иностранцев.

Казалось бы, что при таком положении русским не особенно приличествует гордиться перед казаками и калмыками, набираться какой то культурной спеси. Но не тут то было! Для них казаки — дикари, а калмыки — еще того хуже. И такое свое отношение считают нужным подчеркнуто выявлять всюду, где нужно и где не нужно.

Конечно, когда выражения презрения или бранные слова в свой адрес слышишь из уст простого обывателя, не отдающего себе отчета в том, что он говорит, то не обращаешь на это никакого внимания и спокойно проходишь мимо, памятуя, что кинешься за камнем на лай уличных собак, так потом не будет отбоя от них. Но когда слова презрения, ни за что ни про что, а так за здорово живешь, слышишь на людной улице из уст людей, именующих себя „высокообразованными интеллигентами", то становится стыдно за тех, которые подобные слова произносят.

— Фу, как ненавижу я эту расу!..

— Мне даже отвратительно на них смотреть..

Такими „высококультурными“ словами на днях обменивались, проходя по улице мимо группы калмыков, два русских „высокообразованных интеллигента“ — инженер Петров и г. Алтабаев (последний — председатель местного отдела Р. О. В. союза).

По авторитетному мнению этих русских „патриотов“ я, конечно, „дикарь“. Но я молю Бога, чтобы не доразвился до их культуры, приведшей их к расовой ненависти. С большим удовлетворением могу констатировать, что мне, слава Богу, не отвратительно смотреть на представителей народов, к какой бы они расе не принадлежали. Если „высокая культура“ приносит с собой, как непременный атрибут, расовую ненависть, то я предпочитаю и дальше продолжать оставаться „дикарем“, лишь бы в душе своей сохранить братское чувство ко всем людям, чем воспринимать Петрово-Алтабаевскую „высокую“ культуру.

Приходится лишь сожалеть, что люди, широко пользуясь гостеприимством страны, где считается неприличным демонстрировать свою „расовую ненависть“, не отказываются от попытки насаждать здесь свою специально-русскую „культуру“, окрашенную и заполненную чувством ненависти и презрения ко всем „инородцам“...

О чём же это свидетельствует? Во всяком случае не о культурности авторов этих слов, а только о подлинной их дикости, или о болезненной русской гордости, превращающейся порой в явную глупость.

27-IX 1932. Южин. **С. Аршинов.**

Измена в национальном казачьем движении.

Нас не должны возмущать и колебать нашу веру в свою национальную идею случаи предательства и измены. Но бороться с этим злом нужно. И чем скорее и чем раньше от этих измен мы освободимся, тем будем сильнее внутренней спайкой и увереннее в достижении поставленной цели.

Изменники кристализуют всякое национальное движение и дают ему лишний повод принять определенные и постоянные формы. Разве мы ничему не научились на измене Быкадорова и не стали ли ближе друг к другу и сплоченнее? А в результате этой измены не было ли роста ВК движения хотя бы в Югославии, где эту измену рисовали в самом подчеркнутом виде? Противникам ВК-ва она оказала плохую услугу.

Кроме кристализации, она приближает идейных людей к цели и усиляет их духовное стремление к выполнению поставленного. Делает их мудрыми и предусмотрительными в своей рааоте, направленной к достижению во что бы то ни стало цели — Казакии.

Бывает так, что национальная борьба окончательно подходит к своему победному завершению, когда кажется, что остается протянуть только руку или сделать один шаг и, вот оно — торжество идеи, и вдруг — измена. Тем самым, казалось бы — все разрушено... Но истинные последователи, непоколебимые в своем устремлении к торжеству идеи не падают духом, их поддерживает национальное самосознание и вновь сильнее берутся они за борьбу, смыкая свои ряды.

Кто бы не оказался изменником, будь он „вдохновитель“ или „рядовой“ вольный казак, он не сможет вырвать стремления в душе казака с своей национальной свободе и повлиять так, чтобы это стремление угасло.

Если взять нашу борьбу 1917—18—19 годов, то — та же измена сделала свое дело. Но если бы эта измена случилась раньше и изменники ушли из наших рядов, мы уверены, что еще бы тогда имели свое казачье Государство, но они уходят только сейчас.

И подлинное природное Казачество только сейчас видит их и указывает на них пальцами: вот они, виновники крушения, изменники казачьего народа.

Вот почему, когда разрушена наша борьба и предана национальная свобода, мы, вышедшие на чужбину, должны вновь смыкать свои ряды, и чистить их от изменников. От них уже не следует ожидать какой либо пользы никогда. И потому, братья вольные казаки, нам не страшны измены, когда наша идея воплощается, они были бы страшны лишь при самом торжестве ее, к тому же времени мы должны от них избавиться.

Белград. **Григорий Ковлов.**

Противникам.

Дорогой станичник Редактор!

Прошу поместить мое открытое письмо нашим врагам в следующем номере „ВК“ без всяких „помарок“. Всю ответственность за последствия принимаю на себя.

С вольно-казачьим приветом **Петр Крюков.**

Маленькое предупреждение.

Без всякого интереса следил я за полемикой моих односумов-соратников с людьми, занимающимися исключительно темными делишками: провокацией, шпионством, выливанием ими же сотворенной грязи на вольно-казачье движение и проч. дрянью.

Мое мнение по этому поводу такое: слишком много чести — писать о них на страницах „ВК“!

Я обращаюсь к Вам, мои односумы-соратники, вольные казаки всех Казачьих Войск!

Плюньте на подобную полемику — уж слишком она грязна! Полемизируйте с теми противниками, которые ведут борьбу корректно и обоснованно, а на то, что какой либо поганый кобелишко брешет — не обращайте внимания. Иначе люди могут сказать про этого кобеля:

— Ай, Моська! Знать она сильна,
Что лает на слона!..“

Врагам же нашего политического вождя И. А. Билого посылаю мое маленькое предупреждение:

если кому из них вздумается „пощупать“ — умеет ли стрелять или рубиться вольный казак Билый, то может обращаться к вольному казаку Петру Крюкову по следующему адресу:

Château de Chaban, par S-t Léon sur Vézère (Dordogne) France.

Я на деле докажу подобным господам, что мы, вольные казаки, умеем орудовать не только пером, но и винтовка и шашка не дрогнут в наших руках (как не дрожали они в боях „за честь Казачества и за казачье имя“) — отправить к чертовой матери какого нибудь прохвоста, плюющего на мой Народ и Его Волю, выраженную в нашей Донской присяге, каковую я, Донской казак, воспроизвожу здесь, как мою личную присягу перед лицом всего Вольного Казачества! —

Обещаюсь честью Донского казака перед Всемогущим Богом и перед Святым Его Евангелием и Честным Крестом, чтобы помнить престол Иоанна Предтечи и христианскую веру и свою атаманскую и молодецкую славу не потерять, но быть верным и неизменно преданным Всевеликому Войску Донскому своему Отечеству.

Обещаюсь служить Ему до последней капли крови, всеми силами способствуя славе и процветанию Войска Донского. Обязуюсь повиноваться Большому Войсковому Кругу и избранному Им Донскому Атаману.*) Возложенный на меня долг службы буду выполнять с полным напряжением сил, имея в помыслах только пользу Войска Донского и не щадя жизни ради блага Отечества.

Обещаюсь повиноваться всем поставленным надо

*) Ныне именующему себя Донским Атаманом Африкану Богаевскому, казаку Каменской станицы, не присягаю и не повинуюсь, как предателю своего Отечества — Всевеликого Войска Донского, клятвопреступнику и изменнику. Этого требует мой долг Донского казака и Войска!

Петр Крюков.

мной начальникам, чиня им полное послушание во всех случаях, когда этого требует мой долг Донского казака и Войска.

Обещаюсь быть честным, добросовестным, храбрым казаком и не нарушать своего обещания из-за корысти, родства, дружбы или вражды.

В заключение данного мной обещания осеняю себя крестным знаменем, целую Святое Евангелие и Честный Крест и ниже подписуюсь

Петр Федорович Крюков.
Казак Всевеликого Войска Донского Усть-Медведицкого округа, Глазуновской станицы.

3 ноября 1932 года.
Château de Chaban.

Казачья эмиграция.

Любителям дуэлей.

М. Г. Г-н Редактор, не откажите в любезности поместить в нашем уважаемом журнале „ВК" нижеследующее:

Полковнику Соламахину.

Прямо стыдно слушать о Вас, г-н полковник, как Вы кричите и позорите Казачество. Ведь Вы же сами казак. Вы сами болтаетесь туда-сюда, а кричите, что донцы вмешиваются в кубанские дела и на каком, мол, основании!? Жаль, что Вы стали послушным прислужником кацапов, ведь Вы только кричите, а они Вам диктуют.

Насчет вмешательства донцов в кубанские дела разрешите Вам напомнить случай, когда Вы сами позволили такое вмешательство, когда это было Вам на руку. На острове Лемносе, когда выбирали Кубанского Войскового Атамана и когда Вы были командиром, некоторые кубанцы заявили, что Лосев (я) не имеет права голосовать, так как он — донец. Ведь Вы же тогда сказали публично, что Лосев имеет право голосовать, так же, как и мы (кубанцы), потому что Лосев казак. А раз казак, то какого бы он Войска ни был, право голоса имеет. И я голосовал и выбирал кубанского Атамана. Как Вы думаете, участвовал, вмешивался я в кубанские дела?

Дело это было чисто Кубанское, выбирали себе Атамана, а Вы растолковали, что и донцы и всякие другие казаки могут участвовать в выборе вашего Атамана. А теперь, когда казаки донцы говорят с кубанцами об общеказачьих вопросах, о своей общей судьбе и общих делах Вы кричите: „на каком основании донцы вмешиваются в кубанские дела!?" Значит, смотря по тому, что Вам нравится или не нравится, можно вмешиваться...

Казакам уже надоело 12 лет слушать Ваши неправдивые уверения и мы пошли за теми, кто нашел смелость говорить в глаза казачью правду и стремиться к настоящему казачьему счастью. Мы будем выбирать Атаманов верных нам, чтобы они послужили Казакии и вывели свой народ из ужасного положения. Атаманы же, которых мы выбирали раньше, изменили нам и, забыв о Казачестве, тянут нас под московское ярмо. С ними нам уже не по пути, пусть они идут своею дорогою, а мы сами пойдем выручать свою родину.

Итак, господин полковник, Вы может быть обидетесь, что я Вам написал правду, так как слышно, что Вы не любите ее. Еще слышно, что Вы на дуэли вызывать любите, то я и рубать мастер и стрелять умею, потому что всю войну этим только и занимался, не мало я порубал врагов Казачества, за что и в офицеры — за боевые отличия — произведен. Так что, если хотите еще жить на свете, то не обижайтесь за правду. Нам дорога наша родина Казакия.

Да здравствует Вольное Казачество!

(Германия). ВВД хорунжий **П. Лосев.**

В Тырново.

М. Г. Г-н Редактор, покорнейше прошу поместить на страницах родного нам журнала „ВК" нижеследующее к сведению вольных казаков:

И здесь, в Великом-Тырнове, господа русские начинают проявлять себя в борьбе с казаками самостийниками. Вольный казак Вас. Алекс. Матюхин (донец), возвращаясь с работы был остановлен на улице председателем младоросской группы доктором Злобиным и профессором Кожиным. В разговоре с ними казак Матюхин заявил, что, мол, ваша (младороссов) программа походит на коммунистическую, а вот мы, вольные казаки, — настоящие националисты. Слова казака Матюхина взбесили старого мужика-профессора и он в тот же день побежал в полицию и заявил, что казак Матюхин коммунист, негодяй и пр.

На другой день были вызваны в полицию и Матюхин и профессор.

На вопрос пристава Матюхин снова заявил, что он казак-самостийник, т. е. националист. Тогда пристав обращается к профессору и спрашивает, что, собственно, ему нужно, что он хочет? Казаков я знаю и они имеют право бороться за свое...

Конечно, слова полицейского пристава пришлись не по нутру профессору и он пулей вылетел из участка (Болгария). **С. А. Гринкин.**

Казаки во Франции.

По пути моих вынужденных путешествий лежит город Каркасон, в районе которого сосредоточено довольно много казаков, но я пока, до следующего раза, оставлю этот район, а расскажу о жизни казаков района Нарбон.

Если в районе Тулузы, а отчасти и Каркасона французские фермы представляют собою вид смешанного хозяйства (зерновое, травяное, виноградное), то фермы района Нарбона являются исключительно виноградными, иными словами вся земля, в сотнях и даже тысячах гектаров — виноградники. На фермах вокруг Нарбона работает несколько десятков казаков и только единицы работают в самом городе как фабрично заводские рабочие.

В отличие от других сельско-хозяйственных районов — в Нарбоне оплата труда значительно выше. По местным „неписанным" законам рабочего нанимают обычно на год, с 1 ноября — по 1 ноября, выплата же заработной платы производится ежемесячно. Средняя плата 550 ф. в месяц, но есть казаки, зарабатывающие 575 и даже 600 ф. в месяц, при 8 часовом рабочем дне. Кроме жалованья дается: квартира, иногда довольно просторная (2-3 комнаты) о которой „городскому" казаку можно только мечтать, огород, а так же 50—60 литров вина в месяц.

Из разговора с французами я вынес впечатление, что казаков, как работников, очень ценят и дорожат, особенно, подчеркивают они, казаки хорошо ухаживают за лошадьми. Безработных среди местных казаков нет.

Есть поговорки: „где казак поселился — там и расплодился", — и это действительно так. Стоит только прослышать казаку, что освобождается место, как он обязательно устроит туда своего. Это очень отрадно, что без всякой организации (станицы здесь нет) взаимная поддержка хорошо поставлена. Да и местные жители уже прекрасно разбираются: казак или не казак и если французу нужен рабочий, то он просит проживающего в близи казака, найти ему рабочего, но обязательно казака.

Я сказал выше, что оплата труда здесь лучше, чем в других районах, и казалось бы, что должно быть много охотников работать тут. Однако это не совсем так. В чем же дело? Этот район находится на берегу плавень и изобилует комарами, которые свежего чело-

века прямо загрызают. Даже те, кто вырос на Ачуеве или Ясынах, не могут представить себе того количества комаров, какое имеется здесь. Один черноморец, работающий в этом районе, говорил мне:

— Ви ж тільки посудіть, я виріс сам на плавнях, і у нас багато комарів, а все ж наші комарі хоч диму боялись, а ці ні...

Прожив там несколько дней, я убедился, что комари житья не дают. Пишущий эти строки тоже вырос на берегу лимана, но такого количества комаров тоже не видал. Благодаря наличию этих насекомых, в летнее время работать приходится в „москитниках", это вид шляпы, оканчивающейся кисейной сеткой, концы которой защищают шею и лицо от укусов, руки же остаются незащищенными. Работать в этом „москитнике", очень неудобно, душно и многие предпочитают работать без них, обвязав платком шею и надвинув „кепи" на глаза.

В разговоре с казаками сразу подмечаешь, что как то они отличаются от „городских" казаков. Больше сдержанности, лучше сохранились морально, не чувствуется влияние города; они, работая в сельском хезяйстве, чувствуют себя, до некоторой степени, в родной стихии, хотя грусть о родной сторонушке и вопрос — когда же на берега Тихого, Многоводной и Раздольной, Бурного, так сразу подмечается.

Я уже сказал, что организаций — ни станицы, ни хутора — здесь нет и местные казаки видимо прекрасно без этого обходятся.

В разговоре со мной так они высказывают свой взгляд на организацию:

Вот тут есть недалеко станицы, и нам они советовали „сгарнизовать", но мы посмотрели, что у них там делается, покололись, один за Кирилла, а другие за республику, а вот о своем казачьем и не говорят. Перессорились через такую политику. Вот у них там безработные есть, так они не могут им помочь, а мы вот без „гарнизации", а часто собираемся то у Трофима, то у Ивана и без всякой политики живем, а так просто остаемся казаками, да иногда и дедовскую песню про в о л ю в о л ю ш к у так затянем, что куда там Жарову, або Кострюкову"...

Конечно, я, находясь там, убедился, что „затянуть" то — „затягивают" хорошо, но мой собеседник очевидно имеет свое мнение о песне, которую несут по свету казачьи хоры.

— Ну, а если у вас бывают безработные, то как же Вы им помогаете?..

— У нас их не бывает, вон правда Левонтий прошлую зиму был безработным, ну и жил у нас, за кухарку был, а как только открылось, то устроили его. А безработные с городов к нам не залетают, комаров боятся.

Я вынес очень отрадное впечатление о казаках района Нарбона. Трудолюбивые, степенные, сохранившие казачий дух, „затягивающие" дедовскую и, несмотря на обилие довольно дешевого вина, ни пьяниц, ни опустившихся среди казаков нет, что весьма приятно. Трезвость французы очень ценят.

2 ноября 1932 г. **Еф. Якименко.**

Стиба говорит неправду.

М. Г. Господин Редактор!

Покорнейше прошу поместить в журнале „ВК" мою истину относительно команды джигитов, которая была в Румынии.

Г-ну полковнику Соламахину.

Г-н полковник, я вам никогда не писал, а сейчас пишу относительно тех грошей, которые мы, команда джигитов, из Румынии передали в Вольное Казачество. Извещаю вас, что в этом никакого обмана со стороны есаула Елисеева не было, ибо я сам лично с казаком Кузнецовым ходили к нему и передавали деньги с собственноручными подписями всех тех лиц и были свидетелями, как каждый подписывался под свою сумму. Собранные деньги действительно были разделены по указанным назначениям, т. е. часть на В.-Каз. с'езд, часть как подписка, а остальное как оплата расходов за клише. Одним словом все было так, как есаул Елисеев пишет в своей статье.

А кто вам, г-н полковник, написал, что есаул Елисеев что-то выдумал и пр., то тех личностей и причисляйте к своим поклонникам, а нас, казаков не цепляйте.

Может кому жалко наших грошей, то должен сказать, что деньги наши и мы можем как угодно располагать ими. Свое казачье дело всегда поддерживали и поддержим. Для меня она, Россия, дюже великое „добро" сделала. Единственного брата в тюрьму на 5 лет ни за что посадила, 56 летнюю мать в Сибирь сослала. И вы хотите, чтобы мы о ней, России, заботились?.. Нет, нам надо только думать о своем Казачестве, а те казаки, которые думают о России сперва нежели о Казачестве, то те нас не обманут, — слава Богу мы не малые дети, кто чего и почему хочет; те казаки для нас уже не — казаки.

Итак еще раз подтверждаю честным, казачьим словом, что я лично видел, как все подписывались под пожертвованные на ВК с'езд, сам отвозил. Кто же вздумал задним числом отказываться от своих подписей и от того, что было на самом деле, то Бог им судья, пусть они сами перед своей совестью отвечают.

Петр Мошногорский.

Русские студенты преследуют казачьих студентов.

(Окончание).

„Заявление" полковника Гришина:

Я, как русский человек, офицер Русской Императорской армии, участник гражданской войны в рядах Кубанского казачьего войска, считаю своим долгом и обязанностью довести до сведения Вашего, правления и всех членов Колонии о событиях, происшедших на станичном сборе казачьей станицы в Смедерево 22-го мая 1932 года.

На станичном сборе казачьей станицы в Смедерево 22-го мая пересматривалось распоряжение Кубанского Войскового Атамана ген. штаба ген.-майора Науменко и постановление той же станицы от 21 апреля об отчислении от станичных сумм (300) динар на войсковой с'езд. На сборе присутствовал, как представитель Кубанского Войскового Атамана, его начальник походного штаба полковник Соламахин и два а г и т а т о р а, представители Белградской студенческой казачьей станицы — Мерзликин и Евсеев. Сбор открыл атаман казачьей станицы в Смедерево подхорунжий Гнилозуб, который прочел станичному сбору предписание Войскового Атамана — пересмотреть постановление Станицы об отчислении 300 динар на Вольно-казачий С'езд с предупреждением, что если станица свое постановление от 21-го апреля не изменит, то он, как Кубанский Атаман, вынужден будет прекратить всякую связь со станицей и отказать казакам в своем покровительстве, после чего атаман станицы предложил присутствующим высказать свои мнения. Первым говорил полковник Соламахин, который в своей ясной и образной речи об'яснил казакам разлагающую работу руководителей Вольно-казачьего движения из Праги, работающих на польские деньги и призывал казаков остаться верными своим Войсковым Атаманам, задача которых — борьба с большевиками до освобождения России, а цель — довести своих казаков в едином кулаке на Родину и там передать власть законным выборным собраниям. Полк. Соламахин несколько раз останавливал внимание казаков на важности поставленного на обсуждение вопроса и призывал по с о в е с т и, с присущей казакам мудростью, разрешить этот вопрос. После полковника Соламахина слово было дано присланному агитатору и члену студенч. казачьей станицы в Белграде студенту Мерзликину, который, вместо того, чтобы говорить по существу поставленного вопроса, в течении 2-х часов читал обвинительный приговор Российской Империи и всему русскому народу. Всего перечесть, о чем говорил славный представитель молодого поколения Кубанского Казачьего Войска — нет возможности. Были облиты грязью Российские Императоры, Вожди белого движения, русское офицерство и весь русский народ. По заключению оратора у вольных казаков нет большего

врага, как русский народ и что одинаково, как во время Российских Императоров, уничтожалось и всячески преследовалось казачество, так и в настоящее время, русский народ продолжает уничтожать казачество. Призывая, он в союзники „Казакии" приглашал Украину, горские народы, народы Туркестана и иностранные государства, но ни в коем случае — Русский народ, который был, есть и будет, непримиримым и злейшим врагом казачества. Как образец предательства и итог ненависти к русскому народу привожу подлинные слова студента Мерзликина:

— Я, как кубанский казак и бывший воспитанник кадетского корпуса, с нетерпением жду дня, когда смогу на Кубанских лесах повесить своего быв. директора Корпуса Генерала Адамовича. (Всем известно, что П. М. Мерзликин окончил Донской Корпус и поэтому у него директором был ген. Перрет родственник ат. Богаевского). Таковы „подлинные слова" Гришина.

Соб. кор.

Вот в кратком о чем говорилось на сборе и что бурными аплодисментами встречалось со стороны большинства казаков сбора. Итак, с большим прискорбием и грустью я должен констатировать факт образования у нас в Смедерево „казачьей вольницы", которая отошла от своих Войсковых Атаманов и об'явила нас, русских людей, своими кровными и непримиримыми врагами. Казаками станицы, которые остались верными сынами России, своих предков и Войсковых Атаманов, поднесен на утверждение ген. Науменко приговор об образовании в Смедерево новой казачьей станицы, которую Кубанский Войсковой Атаман и утвердил, а с предателями сношения и общение прекратил.

С совершенным почтением член Русской Колонии, причисленный к генеральному штабу, полковник Ф. Н. Гришин.

28 мая 1932 г. Смедерево.

Получив такие ответы и соответствующую выдержку из „К. Казака", г. Есипов запросил ст. Мерзликина и ст. Евсеева следующей официальной бумагой:

— Правление Союза просит Вас на основании § 8 и примечания этого параграфа Устава С. Р. С. Б. У. об'яснить Правлению Вашу принадлежность к числу членов Союза. При сем прилагается § 8 с примечанием выдержка из журнала „Кавказский Казак" и письмо Председателя Смедеревской Русской Колонии.

Правление.

§ 8: Членами Союза могут состоять студенты и абитуриенты эмигранты, признающие свою принадлежность к России в культурном и национальном государственном отношениях.

Примечание: Студенты иностранного подданства, признающие свою принадлежность к России, могут приниматься в члены Союза.

Получив такую бумагу, студенты-казаки ответили:

В Союз Русских студентов Белградского Университета.

На запрос Правления о нашей принадлежности к вышеуказанному Созу, доводим до сведения, что мы скорее подпадаем под условие примечания к § 8, по следующему совершившемуся факту.

1) На основание Конституции Всевеликого Войска Донского и его Основных Законов, принятых Большим Войсковым Кругом... ... считаем себя поданными Всевеликого Войска Донского, об'явившего себя Донской Республикой, основанной на началах Народоправства. (Основные Законы ВВД. Раздел I, § 1).

2) Выехав в составе воинских частей и эмигрантов, принятых заграницей в качестве русских беженцев и, разделив их судьбу, сим признаем себя принадлежащими к их числу и во всех отношениях к составу бывшей Российской Империи.

На выдержку из „Кавказского Казака" студенты ответили так:

На прилагаемую Союзом выдержку из журнала „Кавказский Казак" я, ст. Евсеев, могу ответить, что первая половина выдержки, по моему мнению, ко мне лично не относится, т. к. нигде на собраниях я не убеждал в том, что казаки не русские люди и что враг Казачества — русский народ.

Что-же касается собеседования в Белграде 24 апреля, то на таковом присутствовал, не принимая активного участия, и могу сказать, что в информации „Кавказский Казак" много перетасовки, о чем может свидетельствовать Общеказачья Студенческая Станица. Третья и четвертая часть прилагаемой выдержки считаю личным воззрением генерала Науменко на окружающее и в его суждения вмешиваться не желаю.

Пятая часть, в которой Соламахин указывает на наши речи, довожу до сведения, что они произносились, но совсем не так, как характеризует он их. Если говорилось о ненависти, то ненависти к большевикам, что чувствуется но не высказывается прямо в информации Соламахина. Содержание дальнейших речей ясно выражает приговор 57 человек казаков Смедеревской Станицы, который при сем прилагается.

Приговор № 127:

Мы, нижеподписавшиеся казаки Смедеревской казачьей станицы, сего 17 июля 1932 года на своем Станичном Сборе, в присутствии нашего Станичного Атамана Н. Л. Гнилозуба в числе 57 человек вынесли настоящий приговор:

Ввиду распространившихся ложных слухов, что якобы, бывшие на станичном сборе 22-го мая с. г. студенты Евсеев и Мерзликин в своих речах называли весь русский народ казачьими кровными врагами, тем самым, вселяя в души казачьи ненависть к русскому народу, мы, казаки Смедеревской Станицы, во избежание всяких незаслуженных на студентов Евсеева и Мерзликина нападок со стороны отдельных лиц, а может быть и целых организаций, заявляем, что названные выше студенты, а также и мы, казаки, русских „кровными врагами" не называли. О кровности вражды, действительно речь была но таковая была вызвана целым рядом недопустимых в адрес казаков станицы выступлений со стороны лиц русской колонии. Так например на собрании колонии 27 мая 1931 года г. Иванов назвал казаков „кровными врагами" и добавил: „их нужно было перевешать еще там в России". И много подобных выступлений было со стороны других лиц. Вот, на основании таких неоднократных выступлений со стороны членов русской колонии и поднимался нами, но ни чуть не студентами, на станичном сборе вопрос о том, кто же наши кровные враги, а кто — союзники. Логически — враги те, кто нас считает своими кровными врагами. Студенты-же Евсеев и Мерзликин говорили о прошлом Казачества и о вольно-казачьем движении в Праге.

Копию настоящего приговора выдать студентам Мерзликину и Евсееву.

Приговор Общеказачьей Студенческой Станицы:

На станичном Сходе состоявшемся 19-VII-32 года, Общеказачья Студенческая Станица, заслушав доклад о решениях и действиях Русского Студенческого Союза, направленных против казаков Станицы П. Мерзликина и Н. Евсеева, уполномочила свое Правление довести до Вашего сведения следующее:

1. Все предпринятое против Мерзликана и Евсеева со стороны русских студентов, Станица рассматривает, как действия открыто враждебные.

2. Станица удивлена, почему Правление С. Р. Студентов, дав этому делу ход, не сочло нужным до сего времени войти в сношение со Станицей, чьи казаки — Мерзликин и Евсеев.

3. Станица считает дело Мерзликина и Евсеева поднятое С. Р. С. актом открытого вмешательства во внутренние казачьи дела.

4. Приглашая Союз Р. С. Бел. У. предоставить казакам право в своем кругу веровать так, как этого они сами хотят, Общеказачья Студ. Станица извещает Союз, что если он, став на ошибочную точку зрения, найдет нужным исключить студентов Евсеева и Мерзликина, Станица вынуждена будет обжаловать таковое решение г-ну Ректору Университета и г-ну Министру Просвещения, в каковом направлении Станицей уже предприняты подготовительные шаги.

Правление Станицы.

Имея все это на руках, Правление Союза устроило заседание Правления, на котором член его, казак Федор Маслов, выступил на защиту своих станичников.

Речь студента Маслова, в которой он уличил присутствующих в гонении на казаков, с их стороны вызвало желание и его внести в список на исключение.

После прений, решено казаков исключить шестью голосами „за", при трех „против" и нескольких „воздержавшихся". Желая, повидимому, дать всему делу более веса, решили вынести его на расширенное совещание Правления Союза и представителей от отдельных факультетских русских кружков.

К этому расширенному Собранию, которое должно было „олицетворять" весь Союз, председатель Есипов, к сожалению, заболел и все дело в руки взял студент Хорват, член национальной молодежи, который его, как и следовало ожидать, блестяще провел.

Хорват раз'яснил, что когда он лежал в клинике, то имел по этому поводу разговор с Е. А. Букановским — Председателем Терского Правительства, который сказал якобы следующее:

Движение В. К. небодуманное и вредное для Российского Государства. Оно ведется ускоренным темпом благодаря тому, что власть в этом движении сейчас попала в руки больших проходимцев, обладающих волей, которые сумели подчинить себе массу и найти единомышленников. Они развили работу. Вообще же на это движение я смотрю, как на злой умысел, думаю что это временное явление, которое само собой, впоследствии, распылится.

Тогда Хорват спросил его, как он смотрит на их борьбу с казачьими студентами. Букановский ответил: с этим надо бороться всеми силами, чтобы достичь каких либо результатов.

Затем Хорват говорил о Соламахине. Соламахин, сказал он, выступил у смедеровских казаков с художественной и образной речью, он нарисовал картину перед слушателями, из которой каждому было ясно, что Казачеству без России не быть, что казаки без нее жить не могут, что это одно целое и об отделении не может быть никакой речи. Соламахин призывал об'единиться вокруг Кубанского Атамана и следовать его указаниям, а не идти за Мерзликиным и Евсеевым... Даже, генерал Шкуро сказал Кундрюцкову, что он его выпорет, а также, выпорет и всех вождей Вольного Казачества... И, даже, казачья масса — Мокролужский Курень, к этому вполне присоединилась.

Особенно яркие выступления были со стороны Георгия Перфильева, который кричал: это наши кровные враги — казаки, с которыми мы боремся на протяжении долгих лет и с давних пор и с которыми будем бороться до конца...

Пропуская интереснейшее заявление в адрес Донской Конституции со стороны одной русской курсистки — что это они, Евсеев и Мерзликин, все выдумали от себя, перейдем опять к собранию от 16-VIII.

Из четырех присутствовавших богословов, один, долго копался доказывая, что у ст. Мерзликина „двойная" душа, что П. Мерзликин говорит с казаками одно, а с русскими другое и наоборот.

Ст. Шепченко, совершенно не знающий Казачества тоже выступает против.

Некоторые „националисты" указывали на то, что помогающие В. К. убедились в бесполезной трате денег и все это скоро кончится, стоит лишь почитать „Казачий Набат" и „Кавказский Казак".

Наконец перешли к голосованиям.

Результат тайного голосования:

Исключить трех — Евсеева, Маслова и Мерзликина: за исключение 23, против — 1.

Поднимается вопрос о выкидке их на улицу из общежития и со студенческой ссуды, но тут решают уже комнаты и факультетские русские кружки. Им это дело и передается.

Постановлением (опросным) ст. Маслов и Евсеев выселены с 1 сентября из студенческого общежития, а ст. Мерзликину запрещен вход в общежитие.

Такие вещи делаются в братской нам всем Югославии. И дом — не их, и территория не их.

Оставив Союз как таковой, перейдем к вопросу о студенческой ссуде. Получая средства от Югославянского Правительства, помогающего всем без исключения, и пользуясь ими, эти господа берут в руки судьбу казачьих юношей. Казаки — лучшие ученики, отвечающие академическому требованию и пользующиеся каждым часом, чтобы поскорей кончить и, тем самым, не вызывать на расходы братский Югославянский народ, лишаются куска хлеба людьми — самовольно распоряжающимися этими не принадлежащими им деньгами, точнее, пытающимися распоряжаться. Что-же могут казаки ожидать от таких вот „русских людей", которые сами живя из милости, еще пытаются играть какую то роль и давить казаков, не взирая на право и законы.

Такие поступки грядущего на смену старым нового русского поколения ничего кроме ненависти у казаков вызвать не могут, и если Казачество в прошлом находило компромиссы для совместной жизни с Россией, то теперь об этом говорить не приходится.

Теперь мы вправе с чистой совестью сказать словами старой казачьей размирной грамоты:

— От казачьих студентов вам, русские студенты, шлем поздравление. Делая свои казачьи дела, мы были с вами в миру; ныне-же приговорили с вами мир нарушить; вы — б о й т е с ь нас, а мы вас будем остерегаться.

А се — печать и письмо войсковое.

Соб. кор.

В Казакии.

— Волк —

В литературно-художественном сборнике РАПП'а „На литературном Посту" есть рассказ В. Ставского „Волк". Сборник посвящен коллективизации, вскрытию кулачества во всех видах и формах, „скромному героизму" работников на колхозном поле и т. д.

Рассказ этот не исключение из общего правила и останавливает наше внимание лишь потому, что действие его происходит на Кубани в период наиболее горячей коллективизации и герой рассказа — казак, бывший станичный атаман Леонтий Федорович Шкаденко.

Бывший атаман — „кулак", — кулак злобный, к тому же — лишенец, сидевший за прошлую „контрреволюцию" в тюрьме. Автор писал на заказ, на специальную тему, поэтому Леонтий Федорович — подлинный „волк", грызущий ягнят-колхозников всячески тормозя спешащую вперед соцреволюцию.

В личной жизни атаман — зверь и от него страдает тихо, бессловесно жена его Марья Степановна, сам он сожительствует со своей снохой, а сына то и дело гоняет на дальние заработки, разлучая его намеренно с женой. Отметим, что автор, всячески черня образ выведенного им героя (несомненно взятого из жизни),*) не смог умолчать о кой-каком основании для бунта быв. станичного атамана, бунта убежденного частника казака, право свое на землю видящего в крови, пролитой за нее — землю своих отцов и дедов.

Рассказ ценен, как страничка из жизни, жизни тяжелой, в неравной борьбе за существование за свой угол, за кусок насущного хлеба.

Вот она истинная жизнь, воспринимаемая ясным, простым сознанием казака, далекого от туманного безумия советского строительства: „январьские да февральские дни выломали радость и надежды. На ссыпках станичных стояли обозы по полторы версты, таяли их хвосты в синей сырой мгле. И уже продали с торгов шесть паровых молотилок у самых добрых хозяев, у самых верных людей"...

*) РАПП посылает специально своих лит. работников в колхозы для нужных отчетов.

Дальше: „Незадачливая шла весна двадцать восьмого. За первой волной хлебозаготовок пошла другая, кое-кто из станичников, хлопавших приговоры над кулаками стали ворчать"...

Еще дальше: „Розыскано зерно. Уличен бывший атаман. И мальчишка тыждневой, оскорбительно и противно неся винтовку как мешалку, провел его в жаркий июньский полдень по улицам в станичный совет.

Шагал атаман пригнув могучую голову, неподнимая глаз, шагал в черевиках на босу ногу, без пояса, в латаной и выцветшей исподней рубахе"...

Еще и еще: „Дальше была тюрьма за вредительство. Дальше ночи, скрашенные только беседами с такими же, как и он, страдальцами да песнями. Казаками, песнями, — при которых умереть доброму казаку не лихо.

Плачут, стогнуть запорижцы
В тяжелой неволи"...

А в это время расцвет колхозов: „Агрominимум!!! Производственная смычка!!" Все в колхозы!..

Несмотря на тюрьму и лишения, „волк" открыто борется против колхозного насилия и не устает поддерживать в своих сторонниках веру в приход наших: „Придут наши, все вернем!..

Вот одно из воззваний бывшего атамана, скорее не воззвание, а горькое недоумение перед тяжкой действительностью, мысли набросанные на бумагу в минуты скорбные, и светлые, ясные в своей скорби: „Погане життя настало на Кубані внукам и правнукам. Піддались казаки ворогам"... Что раньше: ..„Кровь лилась кажну ночь и день. Не вірите мені — спитайте старого казака, як бився, і він вам і місто покаже и... положили всі голови — за що? Щоб наші внуки і правнуки жили на своїх запоріжжях и були вірні сини своєї землі и свого права на свободу"...

Рассказ В. Ставского оканчивается, как добрая старая сказка: Шкаденко не дают спать „черные" думы и он, затравленный, строит новые „козни" („добродетель" все же восторжествует). Твердохлебов, городовик (тип „скромного героя" трудовик) спит с чистой совестью на столе в стансовете, обложенный кучей неотложных бумажных дел, наработавшись до отказу во славу коллективизации...

Революция мельчает. От борьбы планитарного размаха переходят к борьбе сегодняшнего дня, к борьбе в ограниченных просторах... В серых, однообразных буднях нет громких фраз, нет мировых завоеваний, — есть ежедневная бесцельная работа, наигранный „энтузиазм"...

Подлинные герои те, кто находит в политической распутице верные дороги, учтя ошибки в прошлом, отказываясь от них в грядущем. Им бросим — „Все вернем"!

(Швейцария). **Петр Закрепа.**

По советским газетам.

Провал хлебозаготовок и осеннего сева. Надвигающийся голод. Террор. Городские коммунисты расстреливают станичных коммунистов.

Мы привыкли уже к „тону" сов. газет, к их „шуму", к „приказам", „распоряжениям" и прочей шумихе. Но то, что делается сейчас — выходит уже и из рамок советского „быта". Дело в том, что новая „аграрная революция" — пролетаризация сельского хозяйства через „коллективизацию" окончательно разорила земледелие. Сейчас большевики требуют от нашего населения хлеб и осенний сев. Но — хлеба мало,населению грозит голод страшнее голода 1921 года, пахать нечем, сеять нечего. Население всячески ухищряется запастись на зиму хлебом. Оккупанты же только т р е б у ю т. Дошло до того, что сов. режима не выдерживают даже коммунисты, которым приходится иметь дело с „практикой" осуществления сов. предначертаний. Тогда „верхние" обвиняют их в „попустительстве". Ниже мы приводим несколько вырезок из газет „М." и „К. З." (Краснодар), хотя немного характеризующих положение там.

Намеренно не меняем текста вырезок и не делаем комментарий, в предположении, что читатели и сами хорошо разберутся в происходящем (делаем в необходимых случаях только сокращения ввиду недостатка места).

„Никакой пощады контр-революционерам".

Народным судом Тихорецкого района, 25 октября был осужден к 10 годам лишения свободы Котов Николай Васильевич, секретарь ячейки ст. Отрадной и член президиума станичного совета за то, что совместно с другими должностными лицами, в том числе председателем колхоза имени „Первой конной армии" Цибровым, организовали систематическое расхищение колхозного хлеба, прибегая к различным махинациям в целях обмана органов советской власти и сокрытия своего преступления.

Президиум краевого суда 2 ноября 32 г. приговор народного суда отменил, как противоречащий постановлению ЦИК Союза от 7 августа и политически недооценивающий повышенную ответственность коммунистов и руководства колхозов за расхищение и разбазаривание хлеба.

4 ноября 32 года выездная сессия краевого суда вновь рассмотрела дело и за возглавление кулацкого противодействия хлебозаготовкам, растаскивание колхозного хлеба, прямую измену трудящимся и подрыв хозяйственной мощи колхозов, приговорила к расстрелу:

1. Котова Николая Васильевича, быв. секретаря ячейки ВКП(б) ст. Отрадной и бывш. члена президиума стансовета.
2. Циброва Михаила Александровича, бывш. председателя колхоза имени „Первой конной армии", бывш. член ВКП(б).
3. Борщенко Матвея Илларионовича, бывш. кандидата ВКП(б), зам. предправления того-же колхоза.
4. Ковалева Якова Пахомовича, бывш. член ВКП(б), член правления того-же колхоза.
5. Гиталова Петра Леонтьевича бывш. кандидата ВКП(б), кладовщика колхоза.
6. Одинцова Павла Карповича, партийный, член правления того-же колхоза. („М." 8 ноября).

„Расстрел — врагам революции".

Шульга Лаврентий Калинович, единоличник с. Медвежинского, Тимошевского района, за систематическое хищение колхозного хлеба, 7-го ноября, приговорен к расстрелу.

Бандурец Фекла — бригадир колхоза им Сталина, ст. Егорлыкская, Мечетинского района, кулачка, вернувшаяся из ссылки, пролезшая в бригадиры, за систематическое хищение хлеба в размере 90 пудов, 7-го ноября приговорена к расстрелу.

Бардеев Ф. И. и Папко И. А. Первый — завхоз колхоза „КИМ", Ейского района, бывший член ВКП(б) и второй — учетник того же колхоза, бывший кандидат ВКП(б) — систематически расхищали колхозный хлеб, прибегали к подлогам колхозных документов, приговорены к расстрелу 7-го ноября.

Безмагорочный — бывший секретарь колхоза им. Сталина, Тихорецкого района, Мищенко — член правления того же колхоза, и Усатов — прикрепленный к бригаде, за организацию систематического хищения хлеба в колхозе в крупных размерах — 6 ноября приговорены к расстрелу. („М." 9 ноября).

„Кулацкие террористы расстреляны".

Выездная сессия Краевого суда в слободе Лысогорской, Матвеево-Курганского района приговорила к высшей мере социальной защиты — расстрелу — Егора и Прокофия Чевычеловых и Акульшина Илью, расхищавших колхозный урожай и убивших активиста и члена совета тов. Арцыбашева П. („М." 9 ноября).

„Расстрел — организаторам кулацкого саботажа".

Андрусенко Александр бывш. член ВКП(б), предправления колхоза „Северный Кавказ", сел. Сандата Сальского района, Шульженко Михал Ефимович, бывш. секретарь ячейки ВКП(б), в том же колхозе, Кузуб Федор Харитонович, кладовщик сын кулака, за система-

тическое разбазаривание колхозного хлеба, сокрытие его от учета, раздачу колхозникам сверх выданного по трудодням без проведения в книгах в количестве 237 центнеров 8 ноября 1932 года приговорены к расстрелу, Чередниченко Иван, весовщик, того же колхоза, бывш. член ВКП(б), Коваленко Иван, завхоз того же колхоза, за соучастие в том же преступлении — к 10 годам лишения свободы со строгой изоляцией.

Гулый Петр Авксентьевич за систематическое расхищение семенного материала и хлеба из колхоза „Красный партизан", ст. Васюринской, Краснодарского района, приговорен к расстрелу.

Носков Георгий Ефимович, кулак, Бардин Павел Яковлевич, зажиточный, Горобец Захар Павлович, зажиточный, Мазепа Савва Иванович, за систематическое расхищение хлеба из колхоза, ст. Ново-Мышастовской Краснодарского района, приговорены к расстрелу.

Легинская, бежавшая из ссылки кулачка за систематическое хищение колхозного хлеба в ст. Полтавской, Славянского района, 2 ноября приговорена к расстрелу.

Сухоруков Тимофей и Черкашин Яков за расхищение с полей колхоза, в ст. Кармалинской, Ново-Александровского района 162 пудов клещевины 7 ноября приговорены к расстрелу.

Сухомлинов Иван Варфоломеевич, кулак, пролезший в колхоз и работавший старшим конюхом, Сухомлинов Василий Варфоломеевич кулак учетник в селе Совет, Таганрогского района, за систематическое расхищение хлеба из колхоза 8 ноября приговорены к расстрелу. Пономаренко Иван Трофимович, зажиточный, бригадир колхоза, Димченко Иван Васильевич, зав. амбаром колхоза за соучастие в указанном преступлении приговорены каждый на 10 лет лишения свободы со строгой изоляцией.

Червин об'ездчик колхоза, имени 9-го января, ст. Александровской, (пригород Ростова) за пособничество к расхищению свыше 500 пудов колхозного картофеля и взятки, 8 ноября приговорен к расстрелу.

„Врагов советской власти и колхозной стройки — к расстрелу!"

Враги советской власти: кулаки, анти-советский элемент, разложившиеся колхозники, в целях подрыва основы советской власти — общественной (социалистической) собственности, разложения колхозов и подрыва их хозяйственной мощи, занялись хищением колхозного имущества и продукции и истреблением таковой.

За вышеуказанные преступления прокуратурой преданы суду и приговорены выездной сессией Крайсуда к расстрелу:

1. Трифонов Семен Петрович, бывший председатель коммуны им. Сталина ст. Елизаветинской, беспартийный.

2. Чумак Василий Гаврилович — бывший бригадир колхоза им. Сталина, беспартийный, сын высланного кулака, активно боровшийся в рядах белой армии против советской власти.

3. Левченко Степан Карпович — колхозник, беспартийный, служил в белой армии, родственники, как кулаки, высланы. Совместно с Чумаком Василием сжег колхозную маслянку.

4. Мазепа Савва Иванович — зажиточный единоличник ст. Ново-Мышастовской, Краснодарского района. Похитил, совместно с двумя другими единоличниками шесть мешков кукурузы с колхозного поля.

5. Гулый Петр Авксентьевич — колхозник колхоза „Красный Партизан" ст. Васюринской. Похитил из под молотилки 17 пудов зерна и вел разлагательскую работу в колхозе.

6. Носко Георгий Ефимович — кулак ст. Ново-Мышастовской, В 1930 году был выслан и в 1932 году самовольно вернулся с места высылки. Занимался систематическим хищением колхозного имущества.

7. Куцак Кирилл — колхозник „Реввоенрада", ст. Марьянской. Систематически похищал зерно из под молотилки. Обнаружено в яме похищенного: 5 мешков пшеницы, 4 мешка маслянки. 7 мешков кукурузы.

8. Середа Иван — колхозник ст. Динской, зажиточный. Занимался хищением зерна.

9. Куля Иван — кулак ст. Динской. Систематически занимался хищением кабаков калхоза.

10. Бибик Лука — машинист молотилки динской МТС. Систематически совершал кражи ячменя и пшеницы.

(„К. З." 11 ноября).

„Враги несут по заслугам".

Медведовская. 10-XI.

В колхозе „Власть советов" группа колхозников — бывших белобандитов — Гриценко, Шуба и другие — организованно расхищали зерно, всячески тормозили молотьбу, заявляя:

— Чем дольше будем молотить, тем больше хлеба останется нам.

Руководитель группы Гриценко терроризовал колхозников-общественников, был полным хозяином бригады. Его „соратник" — Копылов, пытался вилами запороть коммунистку Шваргупову. Копылов заявлял:

— Придет время, рассчитаемся с вами!

Первого ноября эта шайка похитила из колхозных амбаров фуру ячменя. Зерно расхищалось систематически. Воза насыпались без веса.

Эта группа овладела правом перевозить зерно в колхозе. Несмотря на то, что можно было возить зерно днем, возили его только ночью.

9 ноября судили Гриценко, Копылова, Нечаева. Остальные — скрылись. Гриценко — сын помощника атамана, белогвардеец, организатор срыва обмолота и хлебозаготовок, приговорен к расстрелу. Копылов — приговорен к 10 годам лишения свободы, Нечаев — к 5 годам.

7-го ноября выездная сессия краевого суда приговорила к расстрелу единоличника Шульгу. Сын Шульги приговорен к 10 годам лишения свободы.

(„К. З." 11 ноября).

„Приговоры над врагами народа приведены в исполнение".

Краевым судом были приговорены к расстрелу Таран Василий, кулак, лишенец и Михайличенко Иван, единоличник середняк, за вооруженное ограбление колхоза имени „Коминтерн" Павловского района, в результате чего было похищено: свыше 6 центнеров муки, печеного хлеба и колхозная лошадь.

Верховный суд приговор Краевого суда утвердил и 10 ноября приговор приведен в исполнение. Таран и Михайличенко расстреляны. 9 ноября приведен в исполнение приговор над осужденным Краевым судом Вовк Андреем, кулаком, похитившим рабочих быков из колхоза ст. Манычевской, Сальского района. Вовк расстрелян. („М." 15 ноября).

„Саботажникам — суровая кара"

Иформационное сообщение краснодарской горпрокуратуры.

В целях пресечения кулацкого саботажа и срыва сева и хлебозаготовок, прокуратурой предано суду и нарсудами осуждено:

По селу Калинино: 1. Бойко Иван Трофимович — к 6 годам ссылки, с конфискацией имущества: 2 Ставицкая Анастасия Яковлевна — к 5 годам ссылки, с конфискацией имущества.

По ст. Елизаветинской: 1. Левченко Павел Яковлевич — ссылка в отдаленные местности, сроком на 5 лет, с конфискацией имущества. 2 Дмитренко Моисей Акимович — ссылка в отдаленные местности, сроком на 10 лет, с конфискацией имущества.

По Краснодарскому району:

За саботаж сева и хлебозаготовок осуждено 33 человека — к лишению свободы, ссылке и конфискации имущества.

Отдельные данные по станицам: 1) Козел Антон (ст. Васюринская) — 2 года лешения свободы, 7 лет ссылки, с конф. имущ.; 2) Гулый Михаил (ст. Васюринская) — два года лишения свободы, 6 лет ссылки, с конфискацией имушества; 3) Манжула Петр (ст. Динская) — пять лет ссылки, связанной с принудработами, с конфискацией имущества; 4) Гринько (ст. Динская) — десять лет ссылки, с принудработами, с конфискацией имущества; 5) Полоус Вас. Вас. (ст. Марьянская — во-

семь лет ссылки, с конфискацией имущества; 6) Строгий Антон Григорьевич (ст. Марьянская) восемь лет ссылки, с конфискацией имущества.

Прокурор Либуркин. („К. З." 12 ноября).

„Укрывателя кулаков — под суд!"

Взамен изменявшего советской власти Белого — зам. председателя Пашковского стансовета избран колхозник — буденовец Т. Чертков.

Зам. председателя Пашковского стансовета Белый, вместо того, чтобы вести борьбу за выполнение плана хлебозаготовок и сева, потворствовал кулакам, укрывал тех из них, кто срывал хлебозаготовки и сев.

Белый арестован и предается суду.

Взамен его Пашковский стансовет избрал зам. председателя стансовета активиста колхозника (член колхоза им. Буденного), быв. красного партизана товар. Черткова, выдвинутого широкими колхозными массами.

(„К. З." 11 ноября).

„За хищение и разбазаривание — к уголовной ответственности".

За хищение и разбазаривание муки и зерна, краевая контора „Заготзерно" сняла с работы и привлекает к уголовной ответственности за срыв работы по выполнению плана хлебозаготовок ряд своих районных работников, помогавших кулаку в его борьбе против хлебозаготовок. В каневском районе — райуполномоченный Евтифеев, заведующий Деревянским пунктом Гриненко, отв. приемщик Гринев, завхоз Батожный, бывший заведующий Деревянкинским пунктом Потудин. В Невиномысском районе — зав. оперативной частью Краскурин, зав учетом Тищенко, кассир Глушко, бывш. заведующий Овечкинским элеватором Тихонов, б. зам. зав. Куценко, б. зав. пунктом Христо, приемщики — Лебедев, Рыбкин, Петров. В Воронцово-Александовском районе райуполномоченный Ложечкин. В Прикумском — райуполном. Сотников, зав. опер. частью Чекасов.

(„М." 15 ноября).

---

3 ноября в „М." читаем: „Отставшие Кубанские районы не добились перелома" (в хлебозаготовках).

5 ноября „бюро краевого комитета" (в „М.") признает „особо позорный провал плана хлебозаготовок и озимового сева на Кубани"...

8 ноября „М". кричит: „Сломить саботаж хлебозаготовок и сева, организованный кулачеством, дать хлеб стране"...

Там же: „Позорное отставание продолжается"...

9 ноября: „Железной рукой пролетарской диктатуры сломить саботаж, организованный врагом"... „Когда враг сопротивляется, его уничтожают"...

10 ноября в „К. З.": „Победить в борьбе за хлеб и сев... Сломить кулацкий саботаж"...

10 ноября в „М.": „Начата чистка Темиргоевской парторганизации"...

11 ноября: „На Кубани нет перелома в севе...

12 ноября в „К. З.": „Уничтожить сопротивление части сельских коммунистов делу революции. Изменников — вон из партии! Покончить с примиренчеством к саботажу!.."

В „К. З." 10 ноября напечатан „приказ" „о чистке сельских парторганизаций Северного Кавказа", а в „М." 14 ноября аналогичный приказ „о чистке сельских комсомольских организаций Северного Кавказа" от 6 ноября.

„Нам нужны беззаветно преданные делу партии сельские парторганизации" пишет по этому поводу передовую „М." 12 ноября.

15 ноября в „М.": „Кубань все еще сеет плохо"...

На „черной доске" станицы: Темиргоевская, Н-Рождественская и Медведовская.

Розыски.

Розыскиваю брата Ивана Филипповича Лаврика, казака ст. Старокорсунской. По сведениям, он в 1927 году выехал из Югославии во Францию.

Знающих его адрес прошу сообщить:

Mitrofan Lavric, Societ. petrolifer Unirea. Or. Giurgia, jud. Vlasca. Romania.

От администрации журнала „ВК".

Один из читателей нашего журнала, которому мы прекратили бесплатную высылку „ВК", обратился к нам с письмом-протестом, которое начиналось так: „Почти два года я получал журнал бесплатно, а теперь высылку его мне почему то прекратили. Прошу и т. д."...

В письме этом автор его подчеркивал, что он вольный казак, а, значит, имеет как бы право на бесплатное получение журнала. Между тем, мы знаем, что он, автор письма, совершенно свободно мог бы платить подписную плату.

Братья казаки! мы знаем, конечно, что сейчас многим из вас тяжело. Принимая это во внимание, мы в необходимых случаях идем навстречу неимущим и высылаем журнал временно бесплатно. Но нельзя, чтобы это вошло в привычку, тем более нельзя, чтобы доверием нашим злоупотребляли те, кто платить может; особенно же недопустимо такое отношение к своему журналу со стороны тех, кто считает себя вольным казаком.

Вниманию казаков в Париже.

Правление Донской Парижской станицы приглашает желающих — казаков всех казачьих Войск — на публичное собрание, на котором А. К. Ленивов и полк. В. П. Балабин сделают доклады на тему

Голгофа Казачества.

Собрание состоится в воскресенье 11 декабря с. г. в $2^1/_2$ ч. дня в помещении: 27, la Tour Maubourg, Paris VII. Metro: La Tour Maubourg.

• КАЖДЫЙ ВОЛЬНЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ПОДПИСАТЬСЯ НА СВОЙ ЖУРНАЛ! •

Открыта подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0·50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0·20 долл.

Отдельные комплекты за 1930 и 1931 годы продаются: в Č. S. R. по 100 к. ч. за год, а заграницу — по 4 ам. доллара.

Подписную плату посылать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207, Praha-Vinohrady, Tchécoslovaquie.

Vydavatel: Ignat Bilyj. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 270532-VII.-1930.
Tiskem knihtiskaře A. Fišera. Praha-Strašnice č. 289.